

Авторы: Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан

Переводчик: Beautiful Stranger (vk.com/id163822090)

Ничего, кроме теней

« Я жил среди теней и считал их живыми ».

Оскар Уайльд

Академия Сумеречных Охотников, 2008 год

Тёплый солнечный свет лился сквозь узкие стрельчатые окна аудитории, раскрашивая жёлтым серые каменные стены. На лекции по истории, которую вела Катарина Лосс, и элиту, и примитивных страшно клонило в сон после долгой утренней тренировки со Скарсбери. История была общим предметом для обоих потоков студентов, так что они все могли узнать о великолепии Сумеречных охотников и должны были стремиться стать частью этого великолепия. Саймон подумал, что на этом занятии учащиеся не так уж сильно и отличались друг от друга. Не то чтобы они все стремились к славе Сумеречных охотников, но абсолютно всем им было одинаково скучно.

Потом Марисоль правильно ответила на вопрос, и Джон Картрайт стукнул по спинке её стула.

- Потрясающе, - прошептал Саймон из-за своей книги. – Ты такой крутой. Поздравляю, Джон. Каждый раз, когда кто-то из примитивных отвечает на вопрос неправильно, ты говоришь, это из-за того, что им очень далеко до уровня Сумеречных охотников. А если ответ правильный, ты их наказываешь. Меня восхищает твоя логика.

Джордж Лавлейс откинулся назад на стуле и ухмыльнулся, обращаясь к Саймону:

- Не вижу там никакой логики, Сай.

- Ну, а такие идиоты, как он, видят, - ответил Саймон.

- Я знаю ещё несколько выражений, которые бы ему подошли, - сказал Джордж. – Но некоторые из них не стоит произносить при дамах, а некоторые на гаэльском языке, так что вы всё равно не въедете в их смысл.

Джон выглядел недовольным. Возможно потому, что их стулья находились слишком далеко, чтобы по ним можно было врезаться.

- Просто я думаю, что ей не нужно было говорить вне очереди. – Сказал он.

- Вообще-то, правда заключается в том, что если бы вы, примитивные, слушали бы нас, Сумеречных охотников, - сказала Джули, - То возможно, вы бы чему-то могли научиться.

- А если бы вы, Сумеречные охотники, сами хоть кого-нибудь слушали, - сказал Сунил, примитивный парень, живущий в комнате по соседству с комнатой Джорджа и Саймона, - Возможно, тоже смогли бы кое-чему научиться.

Голоса становились всё громче. Катарина уже выглядела раздражённой. Саймон жестами показал Марисоль и Джону, чтобы они сбавили обороты, но те не обратили на него внимания. У Саймона было похожее ощущение, когда он и Клэри развели на кухне Саймона огонь, пытаясь поджарить виноград до состояния изюма. Им обоим тогда было по шесть лет, и они жутко удивились, когда что-то пошло не так.

Потом он осознал, что это было новое воспоминание. Он усмехнулся, вспоминая Клэри с остатками винограда в рыжих волосах.

В это время ситуация в аудитории обострилась.

- Я преподам тебе несколько уроков на учебном полигоне, - злобно сказал Джон, - Я мог бы вызвать тебя на дуэль. Так что следи за тем, что говоришь.

- Неплохая идея, - заметила Марисоль.

- О, нет, - сказала Беатриз. – Дуэли с четырнадцатилетними – плохая идея.

Все с презрением посмотрели на Беатриз, игнорируя голос разума.

Марисоль фыркнула:

- Не дуэль, а соревнование. Если элита выиграет, то они будут первыми высказываться на занятиях в течение недели. Если выиграем мы, то они будут помалкивать.

- Я согласен. Ты ещё пожалеешь, что предложила мне это, примитивная. Что за соревнование? – спросил Джон. – Поединок на шестах, мечи, кинжалы, луки, гонка на лошадях, бокс? Я готов.

Марисоль мило улыбнулась:

- Бейсбол.

Массовое замешательство и лёгкая паника среди Сумеречных охотников.

- Я не готов, - прошептал Джордж. – Я не американец и не играю в бейсбол. Это похоже на крикет, Сай? Или больше на метание?

- У вас в Шотландии есть игра, которая называется метание? – прошептал Саймон в ответ. – И что вы метаете? Картошку? Маленьких детей? Чудно.

- Позже объясню, - сказал Джордж.

- Я объясню, что такое бейсбол, - сказала Марисоль с блеском в глазах.

У Саймона появилось ощущение, что в бейсболе Марисоль так же хороша, как и в фехтовании. Элиту определённо ждёт сюрприз.

- А я объясню, как демоническая чума чуть не стёрла с лица земли всех Сумеречных охотников, - громко сказала Катарина с другого конца аудитории. – Или объяснила бы, если бы мои студенты закончили наконец свою перебранку.

Все притихли и стали слушать о чуме. Только после того, как занятие закончилось, все снова заговорили о бейсболе. Во всяком случае, в эту игру Саймон точно играл. Он убрал книги и собирался выйти из аудитории, когда Катарина сказала:

- Светоч, подожди.

- Послушайте, «Саймон» было бы в самый раз. – Сказал он.

- Элитные детишки пытаются воссоздать школу, о которой слышали от своих родителей, - сказала Катарина. – Предполагается, что примитивные студенты будут под присмотром, ведь они обладают привилегией находиться среди Сумеречных охотников и готовятся к Вознесению или к покорной смерти. Если бы ты, конечно, не мутил среди них воду.

Саймон прищурился:

- Вы говорите мне, чтобы я не был груб с Сумеречными охотниками из-за того, как они себя ведут?

- Можешь быть таким грубым с этими самоуверенными маленькими идиотами, как тебе захочется, - сказала Катарина. – Им это не мешает. Просто хочу, чтобы ты понимал, к какому результату это ведёт и к какому могло бы привести. Твоё положение почти уникально, Светоч. Я знаю только одного студента, кроме тебя, который попал из элиты к отбросам, не считая Лавлейса, который был бы на потоке отбросов с самого начала, если бы не высокомерные предположения Нефилимов. Хотя, судя по всему, высокомерные предположения у них в почёте.

Это произвело эффект, которого Катарина скорее всего и добивалась. Саймон оставил попытки запихнуть свою копию Кодекса Сумеречных охотников в сумку и сел. Большинству студентов нужно будет время, чтобы подготовиться к бейсболу, так что он может задержаться ненадолго.

- Он тоже был примитивным?

- Нет, он был Сумеречным охотником, - сказала Катарина. – Он учился в Академии больше ста лет назад. Его звали Джеймс Эрондейл.

- Эрондейл? Ещё один? – спросил Саймон. – Постоянно Эрондейлы. У вас когда-нибудь было чувство, что они вас преследуют?

- Не совсем, - сказала Катарина. – Не то, чтобы я возражала. Магнус говорит, они все очень привлекательные и необычные по своей сути. Так вот, Джеймс Эрондейл – случай особый.

- Дайте угадаю, - сказал Саймон. – Он был самоуверенным блондином, которого все обожали.

Катарина подняла брови.

- Нет, я помню, как Рагнор упоминал, что у Джеймса были тёмные волосы и очки. Но другой парень, который в то время тоже учился здесь, Мэттью Фэйрчайлд, действительно подходит под твоё описание. Они не очень-то ладили друг с другом.

- Серьёзно? – спросил Саймон. – Ну, тогда я в команде Джеймса Эрондейла. Готов поспорить, что тот парень, Мэттью, был настоящим засранцем.

- Ну, не знаю, - сказала Катарина. – Мне всегда казалось, что он очень милый. Большинство людей считали так же. Мэттью всем нравился.

Саймон подумал, что этот парень, должно быть, был само очарование. Катарина редко о каком Сумеречном охотнике говорила с одобрением, но сейчас она улыбалась, вспоминая парня, который жил больше ста лет назад.

- Всем, кроме Джеймса Эрондейла? – спросил Саймон. – Сумеречного охотника, которого отчислили с элитного потока. Мэттью Фэйрчайлд имел к этому какое-то отношение?

Катарина отошла от учительского стола и подошла к узкому окну. Лучи заходящего солнца осветили её белые волосы, делая их похожими на нимб.

- Джеймс Эрондейл был потомком ангелов и демонов, - тихо сказала она. – Он был обречён идти по сложному и болезненному пути, и никто не мог ему помочь. Хотя многие пытались.

Академия Сумеречных Охотников, 1899 год

Джеймс Эрондейл говорил себе, что его мутит только из-за того, что карету сильно трясёт. Он был очень взволнован, направляясь в Академию.

Чтобы добраться до неё из Аликанте, отец без разрешения взял новую карету дяди Габриэля. Ехали только они двое.

- Не смотри так серьёзно, Джейми, - сказал отец. Он что-то прошептал лошадям на валлийском, отчего те поскакали быстрее. – Габриэль сам бы хотел, чтобы мы её взяли. Это же дело семейное.

- Дядя Габриэль упоминал вчера вечером, что карету недавно покрасили. Несколько раз. И он угрожал, что позовёт полицейских, чтобы тебя арестовали. – Сказал Джеймс.

- Габриэль перестанет суесться из-за этого через несколько лет. – Отец подмигнул Джеймсу. – Потому что к тому времени, мы все будем водить автомобили.

- Мама говорит, что ты никогда не сядешь за руль, - сказал Джеймс. – Ну, а если и сядешь, она заставила нас с Люси пообещать, что мы ни за что не поедem вместе с тобой.

- Твоя мама просто пошутила.

Джеймс потряс головой:

- Вообще-то, она заставила нас поклясться Ангелом.

Он широко улыбнулся отцу. Тот только покачал головой в ответ. Ветер растрепал его чёрные волосы. Мама говорила, что у него с отцом они абсолютно одинаковые, но Джеймс знал, что у него всегда был бардак на голове. А вот волосы отца называли непослушными, что следовало понимать как «обаятельный бардак».

В первый учебный день лучше не думать, насколько он отличался от отца.

Пока они ехали из Аликанте, несколько людей останавливало их на дороге своими обычными восклицаниями «О, Мистер Эрндейл!».

Сумеречные охотницы самого разного возраста произносили эту реплику с предыханием. К другим же отцам обращались просто «Мистер» без всякого «О».

С таким выдающимся отцом, люди ожидают увидеть не менее сногшибательного сына. Но они определённо разочаровывались, увидев Джеймса, который особо ничем не выделялся.

Джеймс вспомнил один случай, который лишь подчеркнул различия между ним и отцом. Такие моменты всегда уязвляют, а потом лезут в голову посреди ночи и причиняют боль как невидимые порезы.

Однажды какая-то леди из примитивных подошла к ним в книжном магазине «Хэчардс» в Лондоне. Джеймс считал, что это лучший книжный магазин в городе. Фасад магазина был отделан тёмным деревом, с большими стеклянными окнами, что придавало ему серьёзный, внушительный вид, а внутри было много тихих укромных уголков. Обычно они ходили туда всей семьёй, но когда туда наведывались только Джеймс с отцом, многие особы женского пола находили причину, чтобы подойти к ним и завязать беседу.

Отец говорил им, что проводит дни, охотясь за злом и за редкими первыми изданиями книг. Отец всегда знал, что сказать, и как рассмешить кого-нибудь. Эта способность казалась Джеймсу удивительной, но, к сожалению, абсолютно недоступной для него самого. Это как пытаться превратиться в волка, не являясь оборотнем.

Джеймса не беспокоило, что дамы так и вьются вокруг его отца. Всё равно, отец ни на кого из них не смотрел так, как на маму: с удовольствием и благодарностью, как на заветное желание, которое после долгих надежд наконец осуществилось.

Джеймс мало с кем был знаком, но был достаточно наблюдателен, чтобы понять, что такие отношения, как у его родителей – что-то очень редкое и необычайно ценное.

Его беспокоило только то, что разговаривая с его отцом, дамы обращались и к Джеймсу.

Дама в книжном магазине наклонилась вниз и спросила:

- А что же ты любишь делать, малыш?

- Я люблю книги, - ответил Джеймс, держа стопку книг в руках. – Я очень много читаю, - добавил он. Да уж, ну прямо как занудный «мистер очевидность». Король очевидности. Император очевидности.

Судя по всему, её это ни капли не впечатлило, так что она ушла, больше ничего ему не сказав.

Джеймс просто не знал, как разговаривать с людьми. Он понятия не имел, как заставить их смеяться. Почти все свои тринадцать лет жизни он провёл в Лондонском Институте со своими родителями, маленькой сестрой Люси, и в окружении огромного количества книг. У него никогда не было друга мальчика.

И вот теперь он едет в Академию Сумеречных Охотников, чтобы стать таким же превосходным воином, как и его отец. Но это беспокоило его не так сильно, как то, что придётся общаться с людьми.

Скорее всего, там будет куча народу. И куча разговоров.

Джеймса удивляло, как от такой тряски у кареты ещё не отвалились колёса. А ещё он не понимал, почему мир такой жестокий.

- Я знаю, ты нервничаешь по поводу Академии, - сказал отец. – Мы с мамой были не уверены, стоит ли тебя отпускать.

Джеймс прикусил губу.

- Думаете, я буду там настоящей катастрофой?

- Что? – спросил отец. – Конечно, нет! Просто твоя мама волновалась, что из дома уезжает единственный здравомыслящий человек, кроме неё самой.

Джеймс улыбнулся.

- Мы всегда были так счастливы, что наша маленькая семья вместе. – Сказал отец. – Я в жизни не думал, что могу быть таким счастливым. Но возможно, ты был слишком изолирован в Лондоне. Было бы замечательно, если бы ты нашёл друзей своего возраста. Кто знает, может в Академии ты даже встретишь своего будущего парабата.

Родители всегда винили себя в том, что их дети слишком оторваны от мира, но Джеймс считал, что в этом нет их вины. Когда Люси ездила во Францию с мамой, то познакомилась там с Корделией Карстаирс, и уже через две недели они были неразлей вода. Они посылали письма друг другу каждую неделю. Целые тонны писем. Хотя Люси была также оторвана от мира, как и её брат. Джеймс тоже

путешествовал, но у него никогда не было приятеля. Единственным человеком, которому он нравился, была девушка по имени Грейс, но о ней никто не знал. Возможно, что он не нравился бы даже ей, если бы она была знакома с кем-нибудь ещё.

Родители были не виноваты в том, что у него нет друзей. Может, это в нём самом был какой-то изъян.

- Возможно, - продолжил отец небрежно, - Ты и Аластер Карстаирс подружитесь.

- Он старше меня! – запротестовал Джеймс. – Он не захочет тратить на меня время.

Отец слегка улыбнулся:

- Кто знает? В переменах и новых знакомствах есть что-то удивительное, Джейми. Никогда не знаешь, кто и когда ворвётся в твою жизнь и изменит её до неузнаваемости. Всё перевернётся вверх дном, и это сделает тебя только счастливее.

Отец был так счастлив, когда Люси подружилась с Корделией Карстаирс. Ведь бывший парабатай отца, Джеймс, тоже был Карстаирсом. Хотя теперь его официально звали Братом Захарией, так как он стал одним из Безмолвных Братьев. Отец тысячу раз рассказывал Джеймсу о том, как встретил дядю Джема, как на протяжении нескольких лет дядя Джем был единственным, кто в него верил, кто видел, какой он на самом деле. Пока не появилась мама.

- Я тебе уже рассказывал обо всём, что твоя мама и дядя Джем сделали для меня. Они сделали из меня человека. Спасли мою душу, - сказал отец серьёзно. – Ты не представляешь, что это такое – быть спасённым и стать новым человеком. Но ты узнаешь. Как родители, мы просто обязаны были дать тебе такую возможность. Вот, почему мы отпустили тебя в Академию, даже несмотря на то, что будем жутко скучать.

- Жутко? – переспросил Джеймс робко.

- Ну, твоя мама сказала, что постарается быть мужественной и не терять присутствия духа, - сказал отец. – Американцы такие бессердечные. А вот я буду плакать в подушку каждую ночь.

Джеймс рассмеялся. Он знал, что смеётся не очень часто, и по этому отец выглядел чрезвычайно довольным каждый раз, когда ему удавалось его рассмешить. Конечно, Джеймс, в свои тринадцать лет, был уже довольно взрослым для таких представлений, но ведь пройдут месяцы, прежде чем он снова увидит отца. Он придвинулся к отцу и взял его за руку. Тот удерживал поводья одной рукой, а вторую, переплетённую с рукой Джеймса, опустил в карман дорожного плаща. Джеймс опёрся щекой на его плечо, не обращая внимания на то, что карету ощутимо потрясывало, пока они ехали по просёлочным дорогам Идриса.

Он хотел, чтобы у него тоже был *парабатай*. Он хотел этого очень сильно.

Парабатаи были лучшими друзьями, и дружба их могла быть очень долгой. Они всегда были уверены друг в друге и никогда бы не отвернулись друг от друга. Джеймсу казалось, что быть *парабатаями* с кем-то – это ключ ко всему, важнейший первый шаг к жизни, где он был бы также счастлив, как и его отец; где он был бы таким же великолепным Сумеречным охотником, как и его отец; где он мог бы найти такую же большую любовь, как нашёл его отец.

Не то, чтобы он мечтал о какой-то определённой девушке. Он пытался подавить любые мысли о Грейс - тайной девушке, которая нуждалась в спасении.

Он хотел найти *парабатаю*, и это делало его пребывание в Академии в тысячу раз страшнее. Сейчас, рядом с отцом, он был в порядке, но совсем скоро они достигнут долины, в которой располагалась Академия.

Академия Сумеречных охотников представляла собой величественное серое здание, которое сияло среди окружающих деревьев словно жемчужина. Она напоминала Джеймсу готические здания из таких книг, как «Тайны Удольфо» и «Замок Отранто».

В лицевой части здания располагалось огромное витражное окно, сияющее разными цветами. На нём был изображён ангел с мечом в руке.

Этот ангел смотрел вниз на внутренний двор, переполненный студентами, которые болтали и смеялись, готовые стать лучшими Сумеречными охотниками, какими только смогут. Если уж Джеймс и здесь не сможет найти друга, то не найдёт его нигде.

Дядя Габриэль был уже возле Академии. Его лицо приобрело тревожный красноватый оттенок. Он восклицал что-то о вороватых Эрондейлах.

Отец повернулся к декану, женщине, которой было около пятидесяти, и улыбнулся. Та покраснела.

- Декан Эшдаун, не будете ли вы так любезны показать мне Академию? Я вырос в Лондонском Институте, где, кроме меня, был только один ученик. – Голос отца стал мягче, как и всегда, когда он говорил о Джеме. – Сам я никогда не имел удовольствия посещать это место.

- О, Мистер Эрондейл! – сказала декан Эшдаун. – Конечно!

- Спасибо, - сказал отец. – Идём, Джейми.

- О нет, - сказал Джеймс. – Я... я лучше останусь здесь.

Габриэль одарил нехорошей улыбкой отца, который под руку с деканом направился к Академии. Как только он исчез из поля зрения, Джеймс почувствовал

себя неуверенно, но он знал, что должен вести себя смелее, ведь сейчас для этого самое время. Среди толпы студентов Джеймс заметил двух знакомых.

Один из них был довольно высоким для своих тринадцати лет, с торчащими в разные стороны светло-каштановыми волосами. Он смотрел в другую сторону, но Джеймс знал, что у него глаза необычного лавандового цвета. Он как-то слышал на вечеринке, как девчонки говорили, что напрасно такому странному парню, как Кристофер Лайтвуд, достались такие красивые глаза.

Он знал своего двоюродного брата Кристофера лучше, чем кого-либо другого из здесь присутствующих. На протяжении нескольких последних лет тётя Сесилия и дядя Габриэль проводили большую часть времени в Идрисе. Но до этого, обе их семьи жили в Лондонском Институте и вместе ездили в Уэльс на праздники, когда дедушка с бабушкой были ещё живы. Кристофер всегда был немного странным и чрезвычайно рассеянным, но он всегда хорошо относился к Джеймсу.

Мальчик, стоящий рядом с Кристофером, был маленьким и худеньким, как тростинка, его голова едва доставала Кристоферу до плеча.

Томас Лайтвуд был двоюродным братом Кристофера, но Джеймс всё равно называл маму Томаса тётей Софи, так как она была лучшей подругой его матери. Джеймсу нравилась тётя Софи, она была очень милой и доброй. Её семья тоже жила в Идрисе в последние годы. Она была замужем за братом дяди Габриэля. Тётя Софи иногда приезжала к ним в гости в Лондон. Джеймс иногда видел, как его мама и Софи хихикают над чем-то, словно маленькие девчонки одного с Люси возраста. Однажды тётя Софи назвала Томаса своим застенчивым мальчиком. Это заставило Джеймса подумать, что возможно у них с Томасом много общего.

Во время больших семейных сборищ Джеймс иногда присматривался к Томасу и замечал, что тот довольно тихий и не любит больших скоплений народа. Джеймс хотел подойти к нему и завязать беседу, но не был уверен, что сказать.

Возможно, два застенчивых человека могли бы стать хорошими друзьями, но была одна маленькая проблемка: Джеймс понятия не имел, как этого добиться.

Хотя теперь у него, кажется, есть шанс. Он очень надеялся подружиться с Лайтвудами в Академии. Всё, что ему нужно сейчас сделать, это просто подойти к ним и заговорить.

Джеймс начал пробираться сквозь толпу, извиняясь, когда кто-то его задевал.

- Привет, парни, - произнёс чей-то голос у Джеймса за спиной, и кто-то протиснулся мимо него, как будто не заметив.

Джеймс увидел, как Томас и Кристофер повернулись точно цветы к солнцу. Оба радостно улыбнулись, а Джеймс с изумлением уставился на чей-то затылок с сияющей золотистой шевелюрой.

В Академии был ещё один мальчик, ровесник Джеймса, которого он немного знал. Мэттью Фэйрчайлд, родителей которого Джеймс называл тётей Шарлоттой и

дядей Генри, потому что тётя Шарлотта почти вырастила его отца, когда была главой Лондонского Института и до того, как стала Консулом - самым важным человеком, каким только может стать Сумеречный охотник.

Когда тётя Шарлотта и её старший сын Чарльз приезжали в Лондон, Мэттью с ними не ездил. Дядя Генри был серьёзно ранен в бою ещё до того, как они появились на свет, и не очень часто покидал Идрис. А вот почему не приезжал Мэттью, Джеймс не знал. Возможно, ему было слишком весело в Идрисе.

Лишь в одном Джеймс был абсолютно уверен – Мэттью Фэйрчайлд стеснительным точно не был.

Джеймс не видел Мэттью уже несколько лет, но помнил его очень хорошо. На любом семейном празднике, когда Джеймс пытался держаться подальше от толпы или шёл читать на лестницу, Мэттью был душой компании. Он мог разговаривать со взрослыми, как будто сам был взрослым. Он мог станцевать с какой-нибудь пожилой женщиной. Он мог очаровать любого родителя, бабушку или дедушку, успокоить плачущего ребёнка. Все любили Мэттью.

Хотя Джеймс не припоминал, чтобы раньше Мэттью одевался как маньяк: на нём сегодня были бриджи, хотя все остальные были в брюках, и тёмно-красный бархатный пиджак. Даже его сияющие золотистые волосы были уложены самым необычным образом.

- Ну, разве не скучотища? – спросил Мэттью Кристофера и Томаса, двух парней, с которыми Джеймс так хотел подружиться. – Тут все выглядят, как идиоты. Мне уже жаль моей потраченной юности. Лучше ничего мне не говорите, а то я не выдержу и разрыдаюсь.

- Ну, чего ты? – спросил Кристофер, похлопывая Мэттью по плечу. – Что тебя опять расстроило?

- Твоё лицо, Лайтвуд, - ответил Мэттью и ткнул его локтём.

Кристофер и Томас рассмеялись. Очевидно, они все уже были друзьями, и Мэттью был среди них явным лидером. Дружеский план Джеймса провалился.

- Э, - произнёс Джеймс голосом, больше похожим на трагическую икоту. – Привет.

Кристофер посмотрел на него без всякого выражения и сердце Джеймса, которое и так уже было в районе колен, ушло в пятки.

Потом Томас сказал:

- Привет! – и улыбнулся.

Джеймс улыбнулся в ответ, а Мэттью обернулся, чтобы понять, к кому обращается Томас. Мэттью был выше Джеймса, а его светлые волосы сверкали на солнце, когда он опустил голову, чтобы посмотреть на него. Он производил впечатление, что смотрит с гораздо большей высоты, чем ему позволял его рост.

- Джейми Эрондейл, верно? – спросил Мэттью, растягивая слова.

Джеймс разозлился.

- Я предпочитаю, чтобы меня называли Джеймс.

- А я бы предпочёл посещать школу искусств, красоты и культуры, а не жуткую каменную хибару у черта на куличках, полную дикарей, которым, кроме рубилова с демонами, больше ничего не нужно, - сказал Мэттью. – Ну, вот и познакомились.

- А я бы предпочёл, чтобы у меня были студенты поумнее, - произнёс кто-то за их спинами. – По крайней мере, пока я преподаю в школе Нефилимов.

Они обернулись и, как один, вздрогнули. У мужчины, стоявшего за ними, были белоснежные волосы, для которых он явно был слишком молод, и рожки, торчащие из белых локонов. Но больше всего Джеймса поразила зелёная, как виноград, кожа.

Джеймс подумал, что это, должно быть, маг. Скорее всего, Рагнор Фелл - Высший Маг Лондона, который согласился в этом году преподавать в Академии, чтобы отдохнуть от своих магических дел.

Джеймс знал, что маги – хорошие союзники Сумеречных охотников. Отец часто рассказывал ему о своём друге, Магнусе Бейне, который был очень добр к нему в юности.

Правда, отец никогда не упоминал, была ли кожа Магнуса зелёной. Да и самому Джеймсу как-то не приходило в голову спросить что-то подобное. Поэтому сейчас он был крайне удивлён.

- Кто из вас Кристофер Лайтвуд? – спросил Рагнор Фелл строгим голосом. Он пристально посмотрел на каждого из них и обратился к тому, у кого был самый виноватый вид. – Это вы?

- Слава Ангелу, нет, - воскликнул Томас и покраснел. – Без обид, Кристофер.

- Да какие обиды, - беззаботно сказал Кристофер. Он взглянул на Рагнора, как будто только сейчас заметил этого высокого, жутко-зелёного человека. – Здравствуйте, сэр.

- Значит, это вы Кристофер Лайтвуд? – спросил Рагнор зловеще.

Кристофер рассеянно посмотрел на дерево.

- Думаю, да.

Рагнор сердито посмотрел вниз на развевающиеся каштановые волосы Кристофера. Джеймс начинал опасаться, что он сейчас задымится как зелёный вулкан.

- То есть, вы в этом не уверены, мистер Лайтвуд? Может, вы в детстве неудачно ударились головой?

- Хм? – произнёс Кристофер.

Рагнор повысил голос:

- Сталкивалась ли ваша голова когда-нибудь с землёй?

- Сэр, - сказал Мэттью и улыбнулся.

Джеймс уже и забыл об этой Улыбке, которая производила просто поразительный эффект на семейных вечеринках. Эта Улыбка позволяла ему ложиться спать позже, чем положено, получать дополнительную порцию рождественского пудинга, и всего, чего он только пожелает. Взрослые просто не могли устоять перед этой Улыбкой.

В эту особенную улыбку Мэттью вкладывал всё, и от этой улыбки люди буквально таяли.

- Сэр, вы должны простить Кристофера. Он немного рассеянный, но он точно Кристофер. Было бы сложно его с кем-то перепутать. Я за него ручаюсь.

На Рагнора Улыбка подействовала так же, как и на остальных взрослых. Он спросил немного мягче:

- Вы Мэттью Фэйрчайлд?

Улыбка Мэттью стала шире:

- При желании я мог бы это отрицать. При желании я мог бы отрицать все, что угодно. Но меня действительно зовут Мэттью. И уже много лет.

- Что? – Рагнор Фелл выглядел так, будто попал в компанию лунатиков и никак не мог от них отделаться.

Джеймс кашлянул.

- Он цитирует Оскара Уайльда, сэр.

Мэттью взглянул на Джеймса, его тёмные глаза внезапно расширились.

- А ты поклонник Оскара Уайльда?

- Он хороший писатель, - холодно сказал Джеймс. - Есть много хороших писателей. Я довольно много читаю, - добавил он, давая понять, что не может сказать того же о Мэттью.

- Джентльмены, - резко прервал их Рагнор, - Не могли бы вы отвлечься на минуту от своего увлекательного разговора о литературе и послушать одного из своих преподавателей? У меня тут письмо по поводу Кристофера Лайтвуда и одного неприятного инцидента, который обеспокоил Конклав.

- Да, это был очень неприятный инцидент, - сказал Мэттью, серьёзно кивая, как будто был уверен в расположении Рагнора.

- Кто бы сомневался, что вы о нём прекрасно осведомлены, мистер Фэйрчайлд. В письме говорится, что вы берёте на себя полную ответственность за мистера Лайтвуда, и что, пока он находится в Академии, вы обещаете держать любые взрывчатые вещества вне пределов его досягаемости.

Джеймс перевёл взгляд с мага на Мэттью, потом на Кристофера, который с мечтательным выражением лица разглядывал дерево. В отчаянии, он взглянул на Томаса.

- Взрывчатые вещества? – пробормотал Джеймс невнятно.

- Даже не спрашивай, - ответил Томас.

Томас был старше Джеймса и Кристофера, но выглядел намного меньше. Тётя Софи настаивала, чтобы он оставался дома на год дольше из-за того, что часто болел. Но сейчас он не выглядел болезненным. Он был загорелым, с каштановыми волосами и карими глазами, хотя выглядел всё ещё слишком маленьким для своего возраста. Джеймс поймал себя на мысли, что ему хочется погладить Томаса по голове.

Мэттью погладил Томаса по голове и представил их всех Рагнору:

- Мистер Фелл, это Томас, Кристофер и Джейми.

- Джеймс, - поправил тот.

- Да не волнуйся ты так, - сказал Мэттью с безграничной уверенностью. – Я имею в виду, волноваться стоит только из-за того, что мы застряли в этом скучном военном лагере, где никто не ценит действительно важных жизненных вещей. Но не стоит волноваться из-за того, что что-то взорвётся. Я этого не допущу.

- Это всё, что я хотел услышать, - сказал им Рагнор Фелл. – И вы могли сказать это, используя намного меньше слов.

И он ушел, зеленокожий и в плохом настроении.

- Он зелёный! – прошептал Томас.

- Да что ты, – сухо сказал Мэттью.

- Правда? – спросил Кристофер радостно. – Я даже не заметил.

Томас грустно посмотрел на Кристофера. Мэттью же предпочёл его проигнорировать.

- Думаю, мне понравился цвет нашего нового учителя. Он напомнил мне зеленые гвоздики, которые носили последователи Оскара Уайльда, подражая ему. Один из актёров его... хм... пьесы носил зелёные гвоздики на сцене.

- Это была пьеса «Веер леди Уиндермир», - сказал Джеймс.

Мэттью определённо хотел похвастаться, но у Джеймса не было на это времени.

Тогда Мэттью попробовал применить к нему свою Улыбку, но у Джеймса, кажется, был на неё иммунитет.

- Да, - сказал Мэттью. – Конечно. Джейми, я вижу, что как поклонник Оскара Уайльда...

- Н-да, - сказал чей-то голос слева от Джеймса. – Вы, новички, едва пробыли здесь пять минут, и всё, о чём вы можете говорить, это о каком-то примитивном, которого посадили в тюрьму за непристойное поведение?

- Я смотрю, ты тоже знаешь Оскара Уайльда, Аластер? – спросил Мэттью.

Джеймс поднял глаза на парня, который был выше и старше их. У него были светлые волосы и ярко-выраженные тёмные брови.

Так значит, это и есть Аластер Карстаирс, брат лучшей подруги Люси и парень, с которым он мог подружиться, как надеялся его отец. Джеймс представлял себе кого-то более дружелюбного, больше похожего на Корделию.

Возможно, Аластер был бы более дружелюбным, если бы не заметил Джеймса в компании высокомерного Мэттью.

- Я знаю многих примитивных преступников, - сказал Аластер холодным тоном. - Я читаю газеты примитивных, чтобы найти намёки на демоническую активность. И уж точно не трачу время на чтение пьес.

Двое парней, которые подошли вместе с ним, кивнули в знак солидарности.

Мэттью рассмеялся им в лицо.

- Всё понятно. Как же ещё могут относиться к пьесам такие мелочные людишки, лишённые воображения? – спросил он. – Или к живописи, или к танцам, или ещё к чему-то, что делает жизнь интереснее. Как же я «рад» своему пребыванию в этой сырой ничтожной школе, где попытаются выжать мой мозг, чтобы он стал таким же маленьким, как и у вас.

Он хлопнул Аластера Карстаирса по плечу. Джеймс был удивлён, что Аластер сразу же не ударил Мэттью в ответ.

Томас в панике смотрел на Аластера. Джеймс чувствовал тоже самое.

- Теперь можете нас покинуть, - предложил Мэттью. – Вперёд. А мы с Джейми продолжим наш разговор.

Аластер рассмеялся. Его смех звучал злее любых слов.

- Я всего лишь хочу дать вам, детишки, один маленький совет по поводу того, как нужно вести себя в этой Академии. Если вы слишком безмозглые, чтобы вести себя осторожнее, то это не моя вина. Просто иногда лучше держать язык за зубами.

Он повернулся к Джеймсу, сверкнув кинжалами. Джеймс был так поражён ходом событий (он же абсолютно *ничего* не сделал!), что не смог сдвинуться с места, а просто стоял и смотрел с открытым ртом.

- Эй, ты, со странными глазами, - резко сказал Аластер. – На что уставился?

- Я... - пробормотал Джеймс. – Я...

Его глаза действительно были очень необычными, и он сам об этом прекрасно знал. Ему не нужны были очки (разве что, для чтения), но он носил их постоянно, чтобы спрятать глаза. Он почувствовал, что краснеет. Голос Аластера стал таким же злым, как и его смех.

- Как твоя фамилия?

- Э-Эрондейл, - произнёс Джеймс, запинаясь.

- Ради Ангела, у него просто жуткие глаза, - сказал парень справа от Аластера.

Аластер снова засмеялся, на этот раз с большим удовольствием.

- Жёлтые. Точь в точь, как у козлёнка.

- Я не...

- Не напрягайся, Урод Эрондейл, - сказал Аластер. – Не пытайся что-нибудь сказать. Может ты и твои друзья перестанете постоянно говорить о примитивных и подумаете, раз уж вы здесь, о таких мелочах, как спасение жизней и соблюдение Закона, договорились?

Он ушёл, прихватив своих друзей, которые смеялись вместе с ним. Джеймс слышал как слово «урод» со смехом распространяется в плотной толпе, как рябь от камня, брошенного в пруд.

Урод. Урод. Урод.

Мэттью рассмеялся.

- Да уж. Что за...

- Спасибо тебе большое, что втянул меня во всё это, - резко сказал Джеймс. Он развернулся и пошёл прочь, слыша как вокруг шепчут его новое прозвище.

Джеймс сделал то, что обещал себе не делать ни при каких обстоятельствах. Он потащил свою тяжёлую сумку через внутренний двор, потом через холл и наверх через несколько лестничных пролётов, пока не нашёл довольно уединённую лестничную площадку. Затем он сел и открыл книгу «Граф Монте-Кристо», сказав себе, что прочитает всего несколько страниц, а потом опять спустится вниз.

Джеймс опомнился несколько часов спустя и заметил, что небо стало тёмно-серым, а звуки, доносившиеся со двора, давно утикли. Мама и Люси были сейчас далеко в Лондоне, и отец, конечно, тоже уже уехал.

Он застрял в Академии полной незнакомцев. Он даже не знал, где будет спать сегодня ночью.

Он бродил, не разбирая дороги, и пытался найти спальни. Он так ничего и не отыскал, но понял, что ему нравится самостоятельно исследовать это место. Академия была величественным зданием со сверкающими, будто отполированными, каменными стенами. Люстры, казалось, сделаны из драгоценных камней, а когда он забрёл в обеденный зал, то увидел там множество красивых гобеленов, с изображёнными на них Сумеречными охотниками из разных веков. Он стоял и смотрел на замысловатое цветное изображение Джонатана Сумеречного охотника, сражавшегося во времена крестовых походов, пока ему не пришло в голову, что, должно быть, скоро ужин, а он не хочет привлекать к себе дополнительного внимания.

Звуки сотен голосов оповестили Джеймса о том, что где-то рядом находится столовая. Он подавил желание удрать как можно дальше, взял себя в руки и вошёл внутрь. К его облегчению, люди всё ещё собирались. Студенты постарше

слонялись вокруг, болтая друг с другом с таким видом, будто были знакомы уже сто лет. Новички нерешительно топтались на месте, как и Джеймс. Все, кроме Мэттью Фэйрчайлда, который рассматривал сверкающие обеденные столы из красного дерева с нескрываемым презрением.

- Нам нужно выбрать столик поменьше, - сказал он Томасу и Кристоферу, которые его сопровождали. – Я здесь против соей воли, и я не собираюсь делить хлеб с кем-то вроде бесчеловечных головорезов или умственно отсталых, которые добровольно поступили в эту Академию.

- Знаешь, - сказал Джеймс громко, - Аластер Карстаирс был прав.

- Мне кажется, это маловероятно, - ответил Мэттью и только потом обернулся.

– А, это ты. Почему ты всё ещё таскаешься со своей сумкой?

- Я не обязан тебе отвечать, - сказал Джеймс.

- Ладно, - сказал Мэттью согласно. – А на счёт чего был прав Аластер Карстаирс?

- Люди поступают в Академию, потому что надеются стать лучшими Сумеречными охотниками и спасти жизни. Это благородная и достойная цель. Ты не должен глумиться над каждым человеком, которого здесь встречаешь.

- А как ещё прикажешь здесь развлекаться? – возмутился Мэттью. – Кстати, можешь сесть с нами, если хочешь.

Его карие глаза весело заблестели. Судя по тому, как Мэттью на него смотрел, Джеймс был уверен, что над ним просто смеются.

- Нет уж, спасибо, - сказал Джеймс коротко.

Он осмотрелся вокруг и заметил, что новички маленькими компаниями устроились за несколькими столиками. Джеймс также заметил, других мальчиков и нескольких девочек, которые определённо были примитивными. Это было заметно не по одежде или внешности, а по тому, как они держались: как будто боялись, что на них сейчас нападут. А Сумеречные охотники, наоборот, всегда были готовы к нападению.

Там также был один парень в поношенной одежде, сидящий в полном одиночестве. Джеймс направился к его столику.

- Можно здесь сесть? – спросил он.

- Да! – ответил парень. - Конечно! Меня зовут Майкл Смит. Можно просто Майк.

Джеймс потянулся через стол, чтобы ответить на рукопожатие.

- Джеймс Эрондейл.

Глаза Майка расширились, когда он понял, что это фамилия Сумеречного охотника.

- Моя мама выросла среди примитивных, - сказал Джеймс поспешно. – В Америке. В Нью-Йорке.

- Твоя мама из примитивных? – спросила какая-то девочка, подходя ближе и сядя за их столик. - Эсми Филпот, - представилась она. – Но я сменю фамилию после Вознесения. И имя, скорее всего, тоже.

Джеймс не знал, что сказать. Он не хотел оскорблять её нынешнее имя, соглашаясь с ней, или обидеть её саму, начав с ней спорить. Он определённо был не готов к общению со странными девочками. Вообще, в Академии было очень мало девушек. Конечно, девушки могли быть такими же отличными воинами, как и парни, но не все так думали, и многие семьи Сумеречных охотников предпочитали никуда их не отпускать. Некоторые считали, что в Академии слишком много правил, а некоторые – что слишком мало. Сёстры Томаса, например, которые были очень добродетельными, в Академию не поехали. А его двоюродная сестра Анна Лайтвуд, которая была наименее добродетельным человеком, какого только можно себе представить, сказала, что если её отправят в Академию, то она сбежит оттуда и станет примитивной.

- Хм, - произнёс Джеймс, мастер разговора с дамами.

- А у твоей мамы не было проблем с Вознесением? – спросил Майк с любопытством.

Джеймс прикусил губу. Он привык, что все его знакомые знали историю его матери, которая была дочерью похищенной Сумеречной охотницы и демона. Любой ребёнок Сумеречного охотника был Сумеречным охотником. Мама была частью мира Сумеречных охотников, как и любой Нефилим. Но она не могла носить метки, и во всём мире никогда не было никого, похожего на неё. Джеймс не был уверен, как всё это правильно объяснить. Он мог сказать что-то не так, и это могло потом не очень хорошо отразиться на его матери.

- Я знаю многих людей, которые вознеслись без проблем, - сказал Джеймс наконец. – Моя тётя Софи, теперь Софи Лайтвуд, была примитивной. Отец говорит, никто никогда не был таким смелым до или после Вознесения, как она.

- Какое облегчение! – сказала Эсми. – Мне кажется, что я слышала о Софи Лайтвуд...

- Какое страшное падение, - сказал один из парней, которого Джеймс уже видел раньше с Аластером Карстаирсом. – Урод Эрондейл опустился до того, чтобы сидеть с *отбросами*.

Аластер и его друзья рассмеялись. Потом отошли и сели за другой столик, который занимали Сумеречные охотники постарше. Джеймс услышал, как кто-то прошептал слово «урод» несколько раз. Он был готов сгореть от стыда.

Что же касается Мэттью Фэйрчайлда, то Джеймс взглянул на него всего раз или два. После того, как он ушёл, оставив Мэттью посреди столовой, тот гордо поднял свою бестолковую светловолосую голову и выбрал себе очень большой столик. Он определённо не упоминал, что такой привередливый. Он сидел с

Томасом и Кристофером по обе стороны от него, как принц со своей свитой, и громко шутил, привлекая к себе внимание. Вскоре за его столом сидела куча народу. Даже несколько студентов постарше присоединились к ним, чтобы послушать видимо жутко занимательные истории Мэттью. Даже Аластер Карстаирс задержался там на пару минут. Очевидно, они с Мэттью стали теперь друзьями.

Джеймс заметил, что Майк Смит с тоской смотрит на столик Мэттью, где протекало всё веселье. На его лице читалось сожаление из-за того, что он обречён сидеть за более скучным столиком с менее интересными людьми.

Как бы Джеймсу не хотелось с кем-нибудь подружиться, он не хотел быть человеком, с которым дружат только потому, что не могут найти кого-то получше. Кроме того, кажется, он был скучной и плохой компанией, чего он в тайне всегда боялся. Он не понимал, почему книги не научили его говорить так, чтобы другим хотелось слушать.

В конце концов, Джеймс решил обратиться к учителям, чтобы узнать, где его спальня. Он застал декана Эшдаун и Рагнора Фелла увлечённых беседой.

- Я дико извиняюсь, - говорила декан Эшдаун. – Это первый раз, когда у нас в составе есть учитель-маг, и мы ужасно этому рады! Мы должны были тщательнее проверить Академию, чтобы убедиться, что здесь не осталось никаких напоминаний о менее мирных временах.

- Спасибо, декан Эшдаун, - сказал Рагнор. – Было бы действительно неплохо, если бы вы убрали из моей комнаты отрубленную голову мага.

- Мне очень, очень жаль, что так вышло! – сказала декан Эшдаун. Она понизила голос. – Были ли вы знакомы с... э... покойным джентльменом?

Рагнор смерил её недовольным взглядом. Хотя, возможно, он всегда так смотрел.

- Если бы вы обнаружили отрубленную голову Нефилима, с которым могли бы быть знакомы, хотели бы вы спать в комнате с его осквернёнными останками?

Джеймс кашлянул, прервав очередной поток извинений декана.

- Прошу прощения, - сказал он. – Не могли бы вы показать мне, где находится моя комната? Я... заблудился и пропустил всё это.

- Ох, юный мистер Эрондейл. – Кажется, декан была рада, что их прервали. – Конечно, я покажу вам, куда нужно идти. Ваш отец поручил мне передать вам небольшое сообщение, о котором я расскажу вам по пути.

Она оставила Рагнора Фелла, который хмуро смотрел им в след. Джеймс надеялся, что не приобрёл ещё одного врага.

- Ваш отец оставил для вас сообщение на валлийском. Ах, какой это прелестный язык, не правда ли? Такой романтичный! Он сказал «*Pob lwc, cariad*» (Прим. переводчика: «*Удачи, малыш!*»). Что это значит?

Джеймс покраснел. Он считал, что уже слишком взрослый, чтобы отец его так называл.

- Это значит... просто пожелание удачи.

Он не мог удержаться от улыбки, следуя за деканом. Ну, чей ещё отец мог так очаровать декана, что та передала тайное послание своему студенту. Он почувствовал себя намного лучше. Пока декан не открыла дверь его новой комнаты, весело с ним попрощавшись, и не оставила его на растерзание судьбы.

Комната была очень хорошей, просторной, со столбиками из орехового дерева по углам кроватей и белыми балдахинами. Там также был резной платяной шкаф и даже книжная полка.

А ещё, там было слишком много Мэттью Фэйрчайлда. Он стоял перед столом, на котором лежало штук пятнадцать разных расчёсок, несколько таинственных бутылочек и странный набор щёток.

- Привет, Джейми, - сказал он. – Ну, разве не замечательно, что мы соседи по комнате? Я уверен, что мы прекрасно поладим.

- Джеймс, - поправил тот. – Зачем тебе столько расчёсок?

Мэттью посмотрел на него с жалостью.

- Ты же не думаешь, что всё это, - он указал на свою голову. - Появляется само по себе.

- Я пользуюсь только одной расчёской.

- Да уж, - сказал Мэттью. – Оно и видно.

Джеймс бросил свою сумку у подножия кровати, достал оттуда «Графа Монте-Кристо» и направился обратно к двери.

- Джейми? – позвал Мэттью.

- Меня зовут Джеймс! – раздражённо рявкнул тот.

Мэттью рассмеялся.

- Ладно, ладно. Ну и куда ты идёшь, Джеймс?

- Куда-нибудь подальше, - отвел Джеймс и захлопнул за собой дверь.

Он не мог поверить, что ему настолько не повезло, что придётся жить в одной комнате с Мэттью. Он нашёл ещё одну лестничную площадку и читал там, пока не решил, что уже довольно поздно, и Мэттью наверняка уже спит. Он тихонько прокрался обратно в комнату, зажёл свечу и продолжил чтение уже в кровати.

Должно быть, он читал очень долго и слишком поздно лёг спать. Когда он проснулся, Мэттью уже давно ушёл. И Джеймс опоздал на свои первые занятия.

- А чего ещё можно ожидать от Урода Эрондейла, - сказал на занятии парень, которого Джеймс не видел до этого ни разу в жизни. Несколько человек захихикали. Мрачный Джеймс сел с Майком Смитом.

Занятия, на которых элита и отбросы занимались отдельно, были самыми худшими. На них Джеймсу не с кем было сесть. Или те, которые по расписанию стояли первыми, и Джеймс всегда на них опаздывал из-за того, что допоздна читал накануне, забывая обо всех своих проблемах. Во сколько бы он не вставал, Мэттью в комнате уже не было. Джеймс подозревал, что тот делал это, чтобы поиздеваться над ним. Он просто не мог представить Мэттью, занимающимся чем-то полезным с утра пораньше.

Хотя, возможно, самыми худшими были тренировки, так как на них Мэттью начинал особенно раздражать.

- К сожалению, я вынужден отказаться принимать во всём этом участие, - однажды сказал Мэттью учителю. – Можете считать, что я устроил забастовку как шахтёр. Хотя, я, конечно, гораздо более стильный.

На следующий день он заявил:

- Я воздержусь по той причине, что красота божественна, а в этих упражнениях нет абсолютно ничего красивого.

Ещё через день:

- Я возражаю, так как это противоречит эстетическим принципам.

Он продолжал нести всякую ерунду, пока через несколько недель, когда он сказал:

- Я не буду этого делать, потому что Сумеречные охотники идиоты, и я не хочу учиться в этой идиотской школе. Почему, только из-за того, кем я родился, я должен быть оторван от семьи и проводить короткую, ужасную жизнь в побоищах с демонами?

Учитель не выдержал:

- Вы хотите, чтобы вас исключили, мистер Фэйрчайлд? – прогремел он так, что все услышали.

- Делайте то, что должны, - ответил Мэттью с ангельской улыбкой, явно не возражая против исключения.

Его не исключили. Но никто не знал, что с ним делать. Учителей уже просто тошнило от его выходок.

Он делал только половину того, что задавали, и постоянно всех оскорблял. Но, не смотря на всё это, он все ещё оставался самым популярным парнем в Академии.

Томас и Кристофер от него не отходили. Он бродил по залам, окружённый толпой своих обожателей, которые хотели услышать очередной забавный анекдот. Их с Джеймсом комната вечно была переполнена студентами.

Джеймс проводил кучу времени на лестничных площадках. Но ещё чаще он слышал, как его называли Урод Эрондейл.

- Знаешь, - однажды смущённо сказал Томас, когда Джеймс не успел поспешно ретироваться из комнаты, - Ты мог бы немного больше времени проводить вместе с нами.

- Да? – спросил Джеймс, стараясь, чтобы голос не звучал с надеждой. – Ну... мне бы хотелось почаще видеться с тобой и Кристофером.

- И Мэттью, - добавил Томас.

Джеймс молча покачал головой.

- Мэттью - один из моих самых лучших друзей, - сказал Томас почти жалобно. – Если бы ты проводил с ним больше времени, то я уверен, что он бы тебе понравился.

Джеймс посмотрел на Мэттью, который сидел на своей кровати и рассказывал какую-то историю своим приятелям, которых было человек восемь. Они расселись прямо на полу и смотрели на него чуть ли не с благоговением. Джеймс встретился взглядом с Мэттью и отвёл глаза.

- Думаю, что откажусь от компании Мэттью.

- Знаешь, ты всё время держишься особняком, - сказал Томас. – Общаешься с примитивными. Я думаю, именно по этой причине твоё... прозвище так крепко к тебе прицепилось. Люди боятся тех, кто от них отличается. Их беспокоит, что остальные тоже могут отличаться, что они только притворяются такими же, как все.

Джеймс с изумлением посмотрел на него.

- Ты говоришь, что мне следует избегать примитивных? Потому что они не так хороши как мы?

- Нет, я совсем не это... - начал Томас, но Джеймс слишком разозлился, чтобы дать ему договорить.

- Примитивные тоже могут быть героями, - сказал Джеймс. – И ты должен знать об этом лучше меня. Твоя мама была примитивной! Мой отец рассказывал мне обо всём, что она сделала до Вознесения. Все здесь знают людей, которые раньше были примитивными. Почему мы должны изолировать людей, у которых хватает мужества пытаться стать такими, как мы, которые хотят помогать людям? Почему мы должны вести себя с ними так, будто они хуже нас, пока они не докажут нам обратное или пока не умрут? Я не собираюсь так поступать.

Тётя Софи и до Вознесения была ничуть не хуже любого другого Сумеречного охотника. Она ведь мама Томаса, и ему должно быть лучше известно обо всей этой истории, чем Джеймсу.

- Я не это имел в виду, - сказал Томас. – И не думал ни о чём подобном.

Судя по всему, люди, живущие в Идрисе, вообще ни о чём не думают.

- Наверное, твои родители просто не рассказывали тебе ничего, - сказал Джеймс.

- Может, просто не все умеют слушать так, как ты, - сказал Мэттью из другого конца комнаты. – Не все чему-то учатся.

Джеймс посмотрел на него. Было неожиданно услышать от Мэттью что-то действительно хорошее.

- Я знаю одну историю, - продолжил Мэттью. – Хотите послушать?

Раздался хор одобрительных голосов.

- Нет, - сказал Джеймс и вышел из комнаты.

Это было лишним напоминанием, что у Мэттью было то, ради чего Джеймс отдал бы всё, что угодно. У Мэттью были друзья, и он был здесь нужен, но его это нисколько не волновало.

На тренировках Мэттью так довёл всех учителей, что заведовать процессом подготовки отправили Рагнора Фелла. Джеймса удивляло, что только он один видел, как всё это бессмысленно, и что Мэттью всё равно сорвёт занятия. Тем более, что Рагнор владел магией, и ему не было никакого дела до войны.

Рагнор позволил Эсми вплести в гриву её лошади ленточки, чтобы та выглядела посимпатичнее. Он разрешил Кристоферу соорудить таран из поваленных деревьев, потому что это могло стать полезным умением, если им когда-нибудь придётся осаждать замок. Он наблюдал, как Майк Смит умудрился ударить себя по голове своим же здоровенным, тяжёлым луком.

- Не стоит волноваться из-за сотрясения, - сказал Рагнор спокойно. – А вот тяжелое кровоизлияние в головной мозг – это другое дело, из-за него можно умереть. Мистер Фэйрчайлд, почему вы ничем не заняты?

- Я считаю, что жестокость отвратительна, - решительно сказал Мэттью. – Я здесь против своей воли и отказываюсь принимать во всём этом участие.

- Вы хотите, чтобы я при помощи магии раздел вас и запихнул в боевое облачение? – спросил мистер Фелл. – На виду у всех остальных?

- Я уверен, что это было бы очень волнительно для всех присутствующих, - сказал Мэттью. Рагнор Фелл пошевелил пальцами и с их кончиков посыпались зелёные искры. Джеймсу было приятно наблюдать, как Мэттью отшатнулся.

- Возможно, слишком волнительно для среды, - сказал Мэттью. – Ну, я тогда пойду переоденусь в форму. Можно?

- Идите, - сказал Рагнор.

Он установил шезлонг и приступил к чтению книги. Джеймс ему только позавидовал.

А ещё, его восхитило поведение учителя. Приятно знать, что кто-то может уgomонить Мэттью. После всех возвышенных речей Мэттью об искусстве и красоте, Джеймс ожидал, что в бою тот, скорее всего, просто ударит в грязь лицом.

- Есть добровольцы, которые могли бы помочь Мэттью наверстать то, чему вы учились на тренировках? – спросил Рагнор. – Потому что я понятия не имею, чему вас учили.

В этот момент Кристофер и ещё несколько студентов ударили тараном по дереву. Жуткий грохот и хаос означали отнюдь не приближение толпы добровольцев, готовых провести с Мэттью время, хотя эта толпа определённо скоро появится.

- Я был бы рад преподать Мэттью урок, - сказал Джеймс.

Он был довольно хорош в поединках на шестах. Он уже побеждал Майка десять раз из десяти, а Эсми - девять из десяти, и это он ещё сдерживался. Возможно, ему придётся сдерживаться и с Мэттью.

Мэттью Фэйрчайлд появился в полном боевом облачении и, как ни странно, выглядел при этом, как настоящий Сумеречный охотник. По правде говоря, сейчас он был даже больше похож на Сумеречного охотника, чем Джеймс. Может потому, что Джеймс был... конечно, не таким низким, как Томас, но пока что и не таким уж высоким, жилистым и мускулистым.

Несколько девчонок обернулись, чтобы посмотреть на Мэттью в форме.

- Мистер Эрндейл вызвался составить вам компанию в поединке на шестах, - сказал Рагнор Фелл. – Если вы планируете поубивать друг друга, то пройдите дальше по полю, где я не смогу вас видеть, чтобы мне потом не пришлось отвечать на щекотливые вопросы.

-Джеймс, - сказал Мэттью голосом, который так любили слушать все остальные. Но для Джеймса этот голос звучал, как постоянная насмешка. – Это так мило с твоей стороны. Мне кажется, я помню несколько приёмов из тренировок с мамой и братом. Пожалуйста, будь поснисходительнее. Я давно не практиковался.

Мэттью прошёл немного дальше по полю, взвешивая в руке шест. Зелёная трава блестела на солнце, как и его золотистые волосы. Когда он повернулся к Джеймсу, прищурив глаза, того поразила его серьёзный, сосредоточенный взгляд.

Потом лицо Мэттью и близлежащие деревья резко пропали из поля зрения, так как Мэттью шестом сделал подсечку, и Джеймс рухнул спиной вперёд на землю. Джеймс лежал абсолютно ошеломлённый.

- Знаешь, - сказал Мэттью задумчиво. – Кажется, даже после долгого отсутствия практики, я всё ещё на кое-что способен.

Джеймс поднялся на ноги, сжимая в руках шест. Мэттью принял боевую стойку, шест казался таким лёгким в его руке, словно дирижёрская палочка в руке дирижёра. Он двигался с лёгкой грацией, как и любой другой Сумеречный охотник.

Джеймс с раздражением понял, что это ещё одна область, в которой Мэттью был очень хорош.

- Три раунда, - предложил он.

Шест Мэттью приобрел расплывчатые очертания из-за скорости движений. Джеймс не успел сменить позицию, перед тем как получил резкий удар по руке, которой держал шест, а потом и по левому плечу, которое не смог защитить. Джеймсу удалось блокировать удар, направленный в область живота, но это оказался лишь обманный маневр. Мэттью нанёс очередной удар, и Джеймс завалился плашмя на спину. Опять.

В поле зрения возникло лицо Мэттью. Он смеялся, как обычно.

- Зачем останавливаться на трёх раундах? – спросил он. – Я могу укладывать тебя на спину целый день, мне не жалко.

Джеймс шестом подсёк Мэттью в районе лодыжек и сбил его с ног. Он знал, что это нечестно, но в тот момент ему было наплевать.

К удовольствию Джеймса, Мэттью приземлился на траву с удивлённым «Ух!». Оказавшись на земле, Мэттью не спешил подниматься. Джеймс заметил, что тот рассматривает его, скосив глаза.

- Знаешь, - сказал он медленно. – Большинству людей я нравлюсь.

- Ну... поздравляю! – бросил Джеймс и поднялся на ноги.

Это был самый неподходящий момент для того, чтобы встать.

Это должен был быть последний момент в жизни Джеймса. Может быть, из-за того, что он и сам так подумал, ему показалось, что этот момент растянулся, давая Джеймсу увидеть всё до мельчайших деталей: как таран, выскользнув из рук команды Кристофера, полетел не в том направлении. Он увидел ужас на их лицах, даже рассеянный Кристофер на этот раз обратил внимание на происходящее. Джеймс видел огромное деревянное бревно, летящее прямо в него, слышал предостерегающий крик Мэттью, который раздался слишком поздно. Он увидел, как Рагнор Фелл вскакивает, перевернув шезлонг, и поднимает руку.

Мир превратился в скользкую серость, всё кругом двигалось медленнее, чем Джеймс. Всё вокруг будто скользило и казалось нереальным: таран, приближающийся к нему, а потом проходящий через него насквозь, не причиняя никакого вреда; ощущения были такими, будто на него плеснули водой. Джеймс поднял руку, но увидел только серый искрящийся воздух.

Джеймс подумал, что это Рагнор спас его. А мир вокруг снова стал меняться, превращаясь из странной искрящейся серости в черноту. Это была настоящая магия.

Позже он узнал, что вся его группа наблюдала за происходящим, ожидая увидеть кровавую бойню и смерть, а вместо этого увидела, как черноволосый парень исчезает и превращается из такого, как они сами, в тёмную бесплотную

тень, жуткие очертания которой словно проступают из бездны между мирами на ярком дневном солнце. То, что было неизбежной смертью, о которой Сумеречные охотники знали не понаслышке, превратилось во что-то непонятное и ещё более жуткое.

Он даже не представлял себе, насколько он прав. Это была действительно магия.

Когда Джеймс очнулся, была уже ночь, и рядом с ним был дядя Джем.

Джеймс поднялся с кровати и бросился к нему, чтобы обнять. Он слышал, что многие считают Безмолвных Братьев жуткими с их безмолвной речью и чёрными провалами вместо глаз, но для него мантия Безмолвного Брата всегда ассоциировалась с дядей Джемом.

- Дядя Джем! – произнёс он, задышавшись и уткнувшись лицом в его мантию, почувствовав себя на мгновение в безопасности. – Что случилось? Почему я... чувствую себя так странно, а теперь и ты здесь и...

И то, что Безмолвный Брат присутствует в Академии, не означало ничего хорошего. Отец всегда придумывал кучу отговорок, чтобы позвать дядю Джема. Однажды он заявил, что цветочный горшок одержим демоном. Но это Идрис, и Безмолвных Братьев вызывают к детям Сумеречных охотников только в случае необходимости.

- Я... ранен? – спросил Джеймс. – Или Мэттью ранен? Он был со мной.

« Никто не ранен, - сказал дядя Джем. – Слава Ангелу. Я здесь из-за тяжёлого бремени, которое тебе придётся как-то нести, Джейми».

И понимание, безмолвное и холодное, как могила, постепенно перешло от дяди Джема к Джеймсу. Дядя Джем осторожно за ним наблюдал. Джеймса трясло, он хотел оказаться подальше от Безмолвного Брата, и в то же время, ему хотелось, чтобы дядя Джем был рядом. Лицо Джеймса было мокрым от слёз.

Это было наследие его матери, результат смешения крови Сумеречного охотника с кровью демона, а затем снова с кровью Сумеречного охотника. Они все всегда думали, что если Джеймс может носить метки, то он был только Сумеречным охотником, что кровь Ангела выжгла всё остальное.

Но это оказалось не так. Даже ангельская кровь не смогла полностью избавить его от тьмы. Тот странный трюк, который проделал Джеймс, не смог бы проделать даже маг. Джеймс мог превращаться в тень. Он мог стать чем-то без плоти и крови – без крови Ангела, уж точно.

- Что... что я такое? – выдохнул он, горло сдавило от рыданий.

« Ты Джеймс Эрондейл, - сказал дядя Джем. – Такой же, каким был всегда. Часть матери, часть отца и часть тебя самого. Я бы не стал менять ни одну из этих частей, даже если бы мог».

Но Джеймс бы поменял. Он бы выжег из себя эту тёмную часть, вырвал бы её голыми руками, сделал бы всё, что угодно, только бы от неё избавиться. Он должен был быть Сумеречным охотником, и он всегда им был. Но захочет ли любой другой Сумеречный охотник драться с ним бок о бок, зная, какие ужасы он может вытворять.

- Я... они вышвырнули меня из школы? – прошептал он.

« Нет, - сказал дядя Джем. У Джеймса появилось чувство сожаления и злости, затем оно отступило. – Но, Джеймс, я думаю тебе лучше уехать отсюда. Они боятся тебя. Боятся, что ты... окажешь пагубное влияние на их детей. Они хотят перевести тебя в ту часть Академии, где живут примитивные студенты. Очевидно, их мало волнует, что может с ними произойти, и ещё меньше, что может произойти с тобой. Возвращайся домой, Джеймс. Я могу доставить тебя туда прямо сейчас, если хочешь».

Джеймс очень хотел домой. Он даже не мог вспомнить, когда хотел чего-то так сильно, хотел до боли, словно каждая косточка в его теле была сломана, и поправиться он сможет только оказавшись дома. Там его любили и оберегали. Там он моментально окажется в окружении ласки и тепла.

Но было одно «но»...

- Что бы почувствовала моя мама, - прошептал Джеймс. – Если бы узнала, что меня отправили домой из-за... она подумает, что это из-за неё.

Его мама, с серьёзными серыми глазами и нежным, словно цветок, лицом. Такая же спокойная, как Джеймс, но за словом в карман не полезет, как и его отец. Джеймс мог быть преисполненным пороков, мог отвратительно влиять на других детей Сумеречных охотников. Он был готов в это поверить. Но не мама. Она была доброй, красивой и любящей. О лучшей маме нельзя было и мечтать. Она была настоящим благословением на этой земле.

Джеймс не мог бы вынести даже мысли о том, что она будет винить во всём себя, будет думать, что это она причинила ему боль. Если бы он только смог продолжить своё обучение в Академии, смог бы заставить её поверить, что с ним всё в порядке, то, возможно, это уберегло бы её от боли.

Ему хотелось домой. Он не хотел видеть никого из Академии. Он был трусом. Но, не до такой степени, чтобы сбежать от своих мучений и заставить мучиться собственную мать.

« Никакой ты не трус, - сказал дядя Джем. – Я помню время, когда я был ещё Джеймсом Карстаирсом, и когда твоя мама узнала, что никогда не сможет иметь детей. Она думала тогда, что это правда, и очень страдала из-за этого.

Ей казалось, что она так изменилась, стала абсолютно не той, кем была раньше. Я сказал ей, что для того, кто будет любить её, это всё не будет иметь значения. Так и было. Для твоего отца, одного из лучших людей, которых я знаю и единственного, кто её достоин, это действительно не имело никакого значения. Но есть кое-что, чего я ей не говорил... Я был слишком молод и не знал, как сказать ей, насколько сильно меня тронули её мужество и выдержка перед лицом неизвестности. Она сомневалась в себе, но я никогда не сомневался в ней. И теперь могу никогда не сомневаться в тебе. Сейчас я вижу в тебе то же мужество, которое видел в ней».

Джеймс плакал, уткнувшись лицом в мантию дяди Джема, словно был ещё меньше Люси. Он знал, что мама очень смелая, но неужели настоящее мужество ощущается именно так; он думал, что это чувство должно быть приятным, а не таким, от которого тебя разрывает на части.

« Если бы ты увидел человечество, как вижу его я, - голос дяди Джема прозвучал шёпотом в голове Джеймса. – Я почти не ощущаю ни яркости, ни тепла. Я очень далек от всех вас. Во всём мире для меня существует всего четыре источника теплоты и света, которые пылают достаточно ярко для того, чтобы я почувствовал хоть что-то похожее на то, что чувствовал, когда был человеком. Твоя мама, твой папа, Люси и ты. Вы любите, боретесь и пылаете. Не позволяй другим говорить тебе, кто ты. Ты пламя, которое нельзя погасить. Ты тот, кем был всегда, и этого достаточно. Тот, кто смотрит на тебя и видит тьму – просто слепой».

- Слепее Безмолвных Братьев? – спросил Джеймс и икнул.

Дядя Джем стал Безмолвным Братом в очень молодом возрасте при чрезвычайно необычных обстоятельствах. На его щеках были руны, а его глаза, хоть и находящиеся в тени, были просто закрыты, а не зияли тёмными дырами, как у других Безмолвных Братьев. Однако Джеймс не был уверен, видит тот что-нибудь или нет.

В голове Джеймса раздался смех, но сам он не смеялся, так что, должно быть, это был смех дяди Джема. Джеймс прижался к нему ненадолго и сказал себе, что после всего, что случилось, он не будет просить дядю Джема забрать его домой или в Город Молчания, или ещё куда-нибудь. По крайней мере, пока дядя Джем не уйдёт, оставив его в Академии полной незнакомцев, которым Джеймс никогда не нравился, и которые теперь наверняка его возненавидят.

« Он просто обязан быть слепее Безмолвных Братьев, - согласился дядя Джем. – Потому что даже я тебя вижу, Джеймс. Я всегда буду видеть в тебе свет».

Если бы Джеймс только знал, какой станет его жизнь в Академии, он бы точно попросил дядю Джема забрать его домой.

Джеймс не ожидал, что когда он подойдёт к столику, за которым обычно сидит, Майк Смит вскочит на ноги с диким ужасом на лице.

- Садись с нами, - крикнул Майку Клайв Картрайт, один из друзей Аластера Карстаирса. – Хотя ты и примитивный, но, по крайней мере, уж точно не *монстр*.

Майк с благодарностью сбежал. Джеймс заметил, как вздрогнула Эсми, когда он прошёл мимо неё в холле. В следующий раз он постарается держаться от неё подальше, чтобы не напрягать своим присутствием.

Возможно, всё было бы не так плохо, если бы это была не Академия, а какое-нибудь другое место. Ведь Академия считалась священной. Здесь дети готовились к Вознесению и учились служить Ангелу.

Но это была всё-таки школа, а школы именно так и работали. Джеймс читал об этом раньше. Он читал, как в школах могут устроить ученику бойкот, и с ним не заговорит больше ни один человек. Он знал, что ненависть могла распространяться как лесной пожар среди учеников, даже среди примитивных, которые и сами постоянно сталкивались с враждебным отношением и отчуждённостью.

Но теперь Джеймс стал здесь таким чужим, как ни одному примитивному и не снилось.

Он переехал из комнаты Мэттью вниз в темноту. Ему выделили отдельную спальню, потому что даже примитивным было страшно находиться с ним в одной комнате. Кажется, даже декан Эшдаун его побаивалась. Его все боялись.

Когда он проходил мимо, у всех был такой вид, будто им хочется перекреститься. Но они знали, что это не поможет, ведь он был для них ещё хуже вампира. Их пробирала дрожь, когда Джеймс смотрел на них, будто своими жёлтыми глазами демона он мог прожечь дыру в их душах.

Глаза демона. Джеймс слышал, как это шептали снова и снова. Он никогда бы не подумал, что больше ни разу не услышит в свой адрес слова «Урод».

Он никогда ни с кем не разговаривал, садился в самом конце класса, старался поест побыстрее и уйти, чтобы люди не глазели на него. Он бродил по Академии, словно жуткая, отвратительная тень.

Дядя Джем стал Безмолвным Братом только потому, что в противном случае он бы умер. Для него всегда было место в этом мире, у него были друзья и дом, но весь ужас заключался в том, что он не мог быть в том месте, которому принадлежал.

Джеймс замечал иногда, как после визитов дяди Джема, мама долго стоит у окна и смотрит ему в след, хотя он уже давно уехал; он мог увидеть в музыкальной

комнате отца, который не мог оторвать взгляд от скрипки, которую не разрешалось трогать никому, кроме дяди Джема.

Такова была трагедия жизни дяди Джема; и такова была трагедия жизни родителей Джеймса.

Но что, если на земле вообще нет места, которому ты мог бы принадлежать? Если нет никого, кто мог бы тебя полюбить? Что, если ты не можешь быть ни Сумеречным охотником, ни магом, ни кем-нибудь ещё?

Может быть тогда, ты хуже любой трагедии. Может тогда, ты вообще ничто.

Джеймс не мог нормально спать. Как только он начинал погружаться в сон, он тут же вздрагивал и просыпался. Он волновался, что может опять ускользнуть в тот другой мир, где он был лишь тенью среди теней. Он не знал, как ему удалось проделать это в прошлый раз. И он был просто в ужасе от того, что это может произойти снова.

Может быть, все остальные надеялись, что это произойдёт. Может быть, они молились, чтобы он стал тенью и просто исчез.

Джеймс проснулся однажды утром и больше не смог переносить темноту. Каменные стены и потолок словно давили на него. Он пошатываясь направился вверх по лестнице, желая выбраться на свежий воздух.

Он думал, что на дворе ещё ночь, но на самом деле, небо уже начало светлеть, и звёзды постепенно стали гаснуть. Тёмно-серые облака, словно призраки, вились вокруг исчезающей луны. Моросил дождь, от холодных капель которого слегка покалывало кожу. Джеймс опустился на одну из ступеней у задней двери Академии и подставил руки дождю. Он смотрел, как серебристые капли стекают по его ладоням.

Ему хотелось, чтобы дождь смыл его с лица земли, прежде чем он встретит ещё одно утро.

Когда он об этом подумал, глядя на свои руки, он заметил, что *это* опять начинается. Он почувствовал, что начинает меняться. Увидел, как его рука становится тёмной и просвечивающей. Капли дождя проходили через тень его ладони, словно её там вообще не было.

Ему стало интересно, что бы подумала Грейс, если бы увидела его сейчас.

А потом он услышал, как кто-то бежит. Тренировки с отцом сделали своё дело: Джеймс резко поднял голову, пытаясь отыскать бегущего, который мог быть в опасности.

Джеймс увидел Мэттью Фэйрчайлда, который бежал так, будто за ним неслась погоня.

Удивительно, но на нём было боевое облачение, которое он явно надел по собственному желанию. Ещё более удивительным было то, что он занимался физической подготовкой, которую обычно считал унижительной. Он бежал с такой скоростью, какой Джеймс не видел на тренировках ни у одного человека. Может быть, даже быстрее всех, кого Джеймс когда-либо видел. И ещё, он бежал абсолютно уверенно, несмотря на дождь.

Джеймс хмуро смотрел на бегущего Мэттью, пока тот, бросив взгляд на небо, не поплёлся обратно в Академию. Джеймс подумал, что его сейчас заметят, и хотел уже вскочить и обойти здание с другой стороны, но Мэттью не пошёл к двери.

Вместо этого он прислонился к каменной стене Академии, суровый и внушительный в своём чёрном боевом облачении, его светлые волосы были мокрыми и растрёпанными от дождя и ветра. Он запрокинул лицо вверх к небу и выглядел таким же несчастным, каким чувствовал себя Джеймс.

В этом не было никакого смысла. У Мэттью ведь есть абсолютно всё. У него всегда всё было. У Джеймса же сейчас не было ничего. Эта ситуация просто взбесила Джеймса.

- Ну, что с тобой не так? – раздражённо спросил Джеймс.

Мэттью дёрнулся от неожиданности. Он повернулся и с изумлением уставился на Джеймса.

- Что?

- Как ты возможно заметил, моя жизнь сейчас далека от идеальной, - процедил Джеймс сквозь зубы. – Так что заканчивай изображать вселенскую трагедию по пустякам и...

Мэттью больше не опирался о стену, а Джеймс не сидел на ступеньках. Оба стояли друг напротив друга, и это было не занятие на учебном полигоне. Джеймс был уверен, что будет драка, и кто-то из них определённо пострадает.

- Ах, я дико извиняюсь, Джеймс Эрондейл, - сказал Мэттью насмешливо. – Я совсем забыл, что никому нельзя здесь говорить или дышать без вашего разрешения. Я конечно же могу разыгрывать трагедию только из-за какой-нибудь ерунды, как *вы* говорите. Ради Ангела, а я ещё хотел оказаться на твоём месте.

- На моём месте? – воскликнул Джеймс. – Какой-то бред. Что за чушь ты несёшь? Ты не мог этого хотеть. Зачем ты вообще это сказал?

- Может потому, что у тебя есть всё, чего я хочу, - огрызнулся Мэттью. – А тебе это даже не нужно.

- Что? – спросил Джеймс. Ему казалось, что он живёт на планете, где всё встало с ног на голову. Это было единственным объяснением. - *Что?* Ну что у меня может быть такого, чего бы ты мог захотеть?

- Они могут отправить тебя домой, когда захочешь, - сказал Мэттью. – Они пытаются сделать так, чтобы ты уехал. Но меня они не отчисляют, что бы я не вытворял. Только не сына Консула.

Джеймс прищурился. Капли дождя скользили по его лицу и вниз по шее на рубашку, но он этого не замечал.

- Ты хочешь... чтобы тебя отчислили?

- Я просто хочу домой, ясно? – резко сказал Мэттью. – Я хочу быть рядом с отцом!

- Что? – спросил Джеймс снова.

Мэттью мог оскорблять Нефилимов, но что бы он там не говорил, всем всегда казалось, будто он изумительно проводит здесь время. Джеймс был уверен, что Мэттью развлекается по максимуму, в отличие от него. Джеймсу и в голову не приходило, что тот может быть действительно несчастным. Он никогда даже не задумывался о дяде Генри.

Лицо Мэттью исказилось, как будто он собирался заплакать. Он решительно посмотрел вдаль, а когда заговорил, его голос стал резким.

- Ты думаешь, что Кристофер странный, но мой отец намного хуже, - сказал Мэттью. – В сотни раз, а может и в тысячи. Он практиковался в этом намного дольше Кристофера. Он просто жутко рассеянный, и он не может... не может ходить. Он может работать над каким-нибудь новым устройством или писать письмо своему другу-магу в Америку о новом изобретении, или выяснять, почему некоторые его старые изобретения взрываются, и он может даже не заметить, что у него загорелись волосы. Я не преувеличиваю и не шучу. Мне действительно приходилось тушить пожар у отца на голове. Моя мама всегда занята, а мой старший брат Чарльз Буфорд вечно бежит за ней и строит из себя важную шишку. Я один забочусь об отце. Я один его слушаю. Я не хотел его оставлять и ехать в школу. И я делал всё, что только можно, чтобы меня отсюда вышвырнули, и я мог вернуться домой.

Я не забочусь о своём отце. Мой отец заботится обо мне, хотел сказать Джеймс, но он опасался, что это будет слишком жестоко по отношению к Мэттью, которого никогда так не оберегали, как Джеймса.

Джеймсу пришло на ум, что однажды наступит время, когда его отец уже не будет таким всезнающим; способным решить всё, что угодно, и быть кем угодно. От этой мысли ему стало не по себе.

- Ты старался сделать всё, чтобы тебя вышвырнули? – спросил Джеймс. Он говорил медленно. И чувствовал себя каким-то медленным.

Мэттью сделал нетерпеливый жест, как будто рубит невидимую морковь невидимым ножом.

- Да, это именно то, что я и пытался до тебя донести. Но они не выгоняют меня. Я пытаюсь произвести самое лучшее впечатление самого худшего Сумеречного охотника в мире, и они всё равно меня не выгоняют. Что, спрашивается, не так с нашим деканом? Она хочет крови?

- Самое лучшее впечатление самого худшего Сумеречного охотника, - повторил Джеймс. – Выходит, ты не веришь во всё то, о чём говорил: в истину и красоту, и что жестокость отвратительна, и в то, что ты говорил об Оскаре Уайльде?

- Нет, верю, - сказал Мэттью поспешно. – Мне действительно нравится Оскар Уайльд, и красота, и истина. Я действительно считаю глупостью то, что из-за того, кем мы родились, мы не можем быть художниками или поэтами, или создавать что-нибудь. И по этой причине, всё, чему нас учат – это убивать. Мой отец и Кристофер – гении. Ты знаешь об этом? Настоящие гении. Как Леонардо да Винчи. Он был примитивным, который...

- Я знаю, кто такой Леонардо да Винчи.

Мэттью взглянул на него и улыбнулся. Это была та самая Улыбка, сияющая как солнце на рассвете. У Джеймса появилось ощущение, что возможно, он уже не будет так устойчив к ней, как раньше.

- Ну конечно знаешь, Джеймс, - сказал Мэттью. – Я просто забыл на минуту, с кем именно разговариваю. В любом случае, Кристофер и мой отец - действительно выдающиеся люди. Их изобретения уже изменили мир Сумеречных охотников, изменили методы борьбы с демонами. Но Сумеречные охотники всё равно смотрят на них свысока. Они не понимают, насколько важны все эти открытия. И от кого-то, кто хочет писать пьесы и создавать что-то прекрасное, они просто воротят нос как от уличного мусора.

- Ты хочешь заниматься искусством? – спросил Джеймс нерешительно.

- Нет, - ответил Мэттью. – Я совершенно не умею рисовать. Определённо не могу писать пьесы. О моей поэзии лучше вообще не упоминать. Я просто ценю искусство. Я отличный зритель. Одним своим присутствием я мог бы заменить всю Англию.

- Ты мог бы быть актёром, - предположил Джеймс. – Когда ты говоришь - все слушают. Особенно, когда ты рассказываешь разные истории.

Ещё у Мэттью было такое лицо, которое определённо хорошо смотрелось бы со сцены или театральных подмостков.

- Хорошая мысль, - сказал Мэттью. – Но я думаю, что предпочёл бы не покидать надолго дом, чтобы можно было почаще видеться с отцом. А ещё, я думаю, что применение грубой физической силы является отвратительным и бессмысленным, но я в этом действительно хорош. На самом деле, я даже получаю от этого удовольствие. Просто не показываю этого нашим учителям. Но мне бы

действительно хотелось уметь что-то, что могло бы привнести красоту в этот мир, а не раскрашивало бы его кровью.

Он пожал плечами.

Джеймс подумал, что после всего этого, они навряд ли будут драться, и присел обратно на ступеньки.

- Я думаю, Сумеречные охотники тоже могут нести в этот мир что-то прекрасное, - сказал он. – Я имею в виду, мы ведь спасаем жизни. Я знаю, что говорил об этом раньше, но это действительно очень важно. Любой человек, которого мы спасаем, может быть следующим Леонардо да Винчи или Оскаром Уайльдом, или просто очень хорошим человеком, который по-своему привносит что-то прекрасное. Это может быть любой человек, который любит кого-то ещё так же сильно, как ты любишь своего отца. Может быть, ты и прав в том, что Сумеречные охотники более ограничены, что у нас нет такого разнообразия возможностей, как у примитивных, но в наших силах дать людям возможность жить. Вот, для чего мы рождены. Это честь для нас. Поэтому я не собираюсь бежать из Академии. Я ни от чего не собираюсь убегать. Я могу носить метки, и это делает меня Сумеречным охотником, которым я буду всегда, независимо от того, хотят этого Нефилимы или нет.

- Для того, чтобы быть Сумеречным охотником, не обязательно учиться в Академии, - сказал Мэттью. – Тебя могут обучать и в Институте, как дядю Уилла когда-то. Я бы хотел учиться именно так, чтобы быть рядом с отцом.

- Да, я мог поступить также, но... - Джеймс замялся. – Я не хотел, чтобы меня отправили домой. Мама узнала бы причину.

Мэттью молчал некоторое время. Тишину нарушал только шум дождя.

- Мне нравится тётя Тесса, - сказал он. – Я не приезжал в Лондон, потому что боялся оставлять отца. Но мне всегда хотелось, чтобы она приезжала в Идрис почаще.

Джеймс уже который раз за это утро был потрясён. Хотя последнее открытие было не таким уж и приятным. Конечно, его мать и отец редко появлялись в Идрисе. И конечно, Джеймс и Люси росли в Лондоне, в стороне от других семей.

А всё потому, что среди жителей Идриса попадались до безумия высокомерные Сумеречные охотники, которые считали, что мама недостойна находиться среди них, а отец никогда бы не позволил, чтобы её оскорбляли.

А сейчас может стать ещё хуже. Люди будут шептаться о том, что она передала свои пороки по наследству собственным детям. Джеймс знал, что люди будут говорить ужасные вещи о Люси, его весёлой маленькой сестрёнке. Люси никогда не разрешили бы поехать в Академию.

Мэттью кашлянул.

- Думаю, что могу тебя понять. Может, я даже перестану завидовать, что тебя могут вышвырнуть из школы. Возможно, мне даже понятны твои благородные намерения. Однако я не могу даже представить, почему ты постоянно даёшь понять, что просто терпеть меня не можешь. Знаю, знаю, ты весь такой надменный и желаешь проводить всё время наедине с литературой, но это всё равно ужасно по отношению ко мне. Это унижает. Я уже говорил, что большинство людей меня любят. И мне обычно даже не нужно прилагать к этому никаких усилий.

- Да, ты очень хороший Сумеречный охотник, и все тебя любят, Мэттью, - сказал Джеймс. – Спасибо, что просветил.

- Но тебе я не нравлюсь! – воскликнул Мэттью. – Я действительно старался! Но с тобой это не работает!

- Дело в том, - сказал Джеймс, - Что мне обычно нравятся очень скромные люди. Сдержанные, понимаешь?

Мэттью помолчал, обдумывая его слова, а затем рассмеялся. Джеймс удивился, насколько приятно это было. Он почувствовал, что возможно стоит просто рассказать унижительную правду.

Он закрыл глаза и сказал:

- Я завидовал тебе.

Когда он открыл глаза, Мэттью смотрел на него подозрительно, будто ожидая подвоха.

- Завидовал чему?

- Ну, тебя не считают самой нечестивой мерзостью на этой планете.

- Да, куда уж мне. Без обид, Джеймс, но этой «чести» у нас удостоился только ты, - заметил Мэттью. – Ты прямо местная достопримечательность, как статуя цыплёнка-воина. Если такие, конечно, бывают. Так или иначе, я всё равно не понравился тебе ещё до того, как все узнали, что ты нечестивый монстр. Думаю, сейчас ты просто пытаешься щадить мои чувства. Очень мило с твоей стороны. Я...

- И я вовсе не надменный, - сказал Джеймс. – Не понимаю, из-за чего вообще у тебя появилась подобная мысль.

- Ну, вероятно, из-за твоей надменности, - предположил Мэттью.

- Я – зубрила, - сказал Джеймс. – Я постоянно что-нибудь читаю и понятия не имею, как разговаривать с людьми. Если бы я бы девчонкой, живущей в стародавние времена, люди называли бы меня «синим чулком». Я бы хотел уметь разговаривать с людьми так, как ты. Хотел бы привлекать их одной своей улыбкой. Хотел бы, чтобы они слушали, когда я что-то рассказываю и следовали за мной, куда бы я не пошёл. Хотя, нет, этого я не хотел бы, потому что люди меня немного пугают. Но мне всё равно хотелось бы уметь то, что умеешь делать ты. Мне хотелось бы подружиться с Томасом и Кристофером, потому что они мне нравятся,

и я считаю, что мы в чём-то с ними похожи, и может, я бы тоже им понравился. Ты завидовал, что меня могут выгнать из школы? Но, на самом деле, я первый тебе позавидовал. Я завидовал тебе во всём, и всё ещё завидую сейчас.

- Погоди, - сказал Мэттью. – Стоп. Стоп. Стоп. Я не нравился тебе, потому что я *настоящий очаровашка*?

Он откинул голову назад и расхохотался. И не смог остановиться. Он смеялся так сильно, что сполз на ступеньки рядом с Джеймсом.

- Хватит, Мэттью, - проворчал Джеймс. – Прекрати смеяться. Я поделился с тобой своими самыми сокровенными чувствами. Это очень обидно.

- Всё это время я был в плохом настроении, - сказал Мэттью. – Ты думаешь, что я обаятельный сейчас? Ты даже не представляешь...

Джеймс пихнул его в плечо. И не смог удержаться от улыбки. Он видел, что Мэттью, заметив это, выглядит очень довольным собой.

Позже, Мэттью настоял, чтобы Джеймс во время завтрака сел за их столик. Джеймс заметил, что за ним сидят только Кристофер и Томас. Что ж, хороший выбор.

В добавок ко всем утренним сюрпризам, Кристофер и Томас, кажется, были ему рады.

- Ох, неужели ты решил больше не ненавидеть Мэттью? – спросил Кристофер.
- Я так этому рад. Ты его очень расстраивал своим поведением. Хотя мы договорились не рассказывать тебе об этом. – Он мечтательно посмотрел на корзинку с хлебом, будто видел перед собой прекрасную картину. – Я совсем забыл об этом.

Томас опустил голову на стол.

- Ну почему ты такой, а?

Мэттью наклонился и похлопал Томаса по спине. Потом убрал подальше от Кристофера горящую свечу, которой тот чуть не подпалил себе рукава. Он передал свечу Джеймсу и улыбнулся.

- Если ты когда-нибудь увидишь Кристофера рядом с открытым огнём, то уводи его оттуда подальше, или убирай подальше огонь, - сказал Мэттью. – Будем вместе бороться за правое дело. Я обязан всегда быть начеку.

- Должно быть, это сложно проделать, когда вокруг постоянно толпа поклонников, - сказал Джеймс.

- Ну, - сказал Мэттью и помолчал. – Возможно. Но я всегда могу... выдать что-то вроде «Слушай, если ты не хочешь со мной дружить, то все остальные хотят, и ты делаешь большую ошибку». Я могу так сделать. Наверное.

- Правда? – спросил Томас. – Слава Ангелу. Знаете, большие толпы людей заставляют меня нервничать! Я не знаю, о чём с ними говорить! Я не такой остроумный как ты, и не такой надменный и возвышенный, как Джеймс. И я не живу в каком-то заоблачном мире, как Кристофер. Я приехал в Академию, чтобы быть подальше от сестёр, которые вечно мной командуют. Но даже они не нервировали меня так, как летающие в воздухе тараны и постоянные вечеринки. Пожалуйста, давайте хоть иногда будем отдыхать от всего этого в тишине и покое!

Джеймс уставился на Томаса.

- Неужели все считают меня надменным?

- Нет, большинство людей считает тебя самой нечестивой мерзостью на этой планете, - радостно сказал Мэттью. – Ты забыл?

Томас выглядел так, будто от досады снова собирался шлёпнуться головой о стол, но потом повеселел, заметив, что Джеймс не обижается.

- С чего бы это? – спросил Кристофер вежливо.

Джеймс пристально на него посмотрел.

- Потому что из плоти и крови я могу превратиться в жуткую тень.

- О-о, - произнёс Кристофер. Его задумчивые лавандовые глаза сфокусировались на мгновение. – Это очень интересно. – Сказал он Джеймсу звонким голосом. – Ты должен позволить мне и дяде Генри провести над тобой множество экспериментов. Один из них можно провести прямо сейчас.

- Нет, нельзя, - сказал Мэттью. – Никаких экспериментов за завтраком. Добавь это в свой список, Кристофер.

Кристофер вздохнул.

Таким вот образом, как будто это всегда было так просто, у Джеймса появились друзья. Как он и предполагал, Томас и Кристофер ему действительно очень понравились.

Среди его новых друзей, как ни странно, Мэттью нравился ему больше всех. Именно Мэттью всегда был готов поболтать о книгах, которые читал Джеймс, или рассказать какую-нибудь историю, не хуже, чем в книге. Он прилагал явные усилия, чтобы найти Джеймса, когда того не было рядом, и ему определённо стоило усилий защищать Джеймса, когда в этом возникала необходимость. С Джеймсом происходило не так уж много хорошего, о чём можно было написать домой, но в последнее время в его письмах много говорилось о Мэттью.

Джеймс думал, что возможно Мэттью просто жаль его. Мэттью всегда заботился о Кристофере и Томасе с тем же усердием, с каким заботился о своём отце. Мэттью был добрым.

Теперь всё было в порядке, и Джеймс точно был бы непротив жить с Мэттью в одной комнате. Но сейчас об этом не могло быть и речи.

- Почему люди называют твои глаза «Глазами Демона», Джеймс? – как-то раз спросил Кристофер, когда они сидели на занятии, слушая рассказ Рагнора Фелла о первом Соглашении.

- Потому что они золотистого цвета, как будто в них горит жуткое адское пламя, - сказал Джеймс. Он слышал, как это прошептала какая-то девочка, и подумал, что это прозвучало довольно поэтично.

- А-а... - произнёс Кристофер. – А ты, кроме этого, похож чем-нибудь ещё на своего дедушку? Я имею в виду, на того, который демон.

- Нельзя вот так просто спрашивать у людей, похожи ли они на своего дедушку-демона! – застонал Томас. – Может, ты ещё и у профессора Фелла спросишь, похож ли он на своего демонического родителя! Пожалуйста, не вздумай этого делать. У него очень острый язык. Хотя, он может порезать ещё и ножом.

- Фелл? – заинтересовался Кристофер.

- Это наш учитель, - сказал Мэттью, и уточнил: – Наш зелёный учитель.

Кристофер выглядел искренне удивлённым.

- У нас есть зелёный учитель?

- Джеймс похож на своего отца, - сказал Мэттью неожиданно, и задумчиво посмотрел на Джеймса. – Или станет похож, когда повзрослеет, и его лицо перестанет состоять из одних острых углов.

Джеймс медленно поднял свою открытую книгу, пряча за ней лицо, но в глубине души ему было приятно это услышать.

Дружба Мэттью повлияла и на других людей. Эсми подошла как-то к Джеймсу и сказала, что ей было очень жаль, что Майк повёл себя с ним как идиот. Она также сказала ему, что надеется, что Джеймс не воспримет её дружеское беспокойство в романтическом ключе.

- Мне вообще-то нравится Мэттью Фэйрчайлд, - добавила Эсми. – Пожалуйста, замолви за меня словечко.

Теперь, когда у него были друзья, жизнь казалась намного, намного лучше. Но это не значит, что всё стало идеальным или хотя бы пришло в норму. Люди всё ещё боялись его, всё ещё шептали «Глаза Демона» и бормотали что-то по поводу нечестивых теней.

- *Pulvis et umbra sumus*, - однажды сказал Джеймс на весь класс, когда ему надоело слышать постоянный шёпот. – Мой отец говорит так иногда. Мы лишь прах и тени. Так что, возможно, у меня есть преимущество перед всеми вами.

Несколько человек в классе забеспокоились.

- Что он сказал? – прошептал Майк Смит, явно напуганный.

- Это не демонический язык, клоун, - раздражённо ответил Мэттью. – Это латынь.

Несмотря на все старания Мэттью, люди шептались всё больше и больше. У Джеймса появилось предчувствие беды.

И тогда в лес выпустили демонов.

- Я буду в паре с Кристофером, - сказал Томас на следующем тренировочном задании голосом человека, смилившегося со своей судьбой.

- Отлично, я буду в паре с Джеймсом, - сказал Мэттью. – Он напоминает мне о благородном пути Сумеречных охотников и поддерживает во мне боевой дух. Если нас разделят, я начну отвлекаться на красоту и истину. Именно так и будет.

Их учителя были чрезвычайно довольны, что Мэттью теперь принимал активное участие в обучении, кроме тех занятий, которые были только для элиты. Томас сообщил, что на тех занятиях, Мэттью все еще был полон решимости вести себя как раньше.

Джеймс не понимал, почему учителя так волновались. Было очевидно, что если кому-нибудь действительно будет угрожать опасность, Мэттью встанет на их защиту.

Джеймсу было приятно быть в этом уверенным, когда они брели по лесу. Был ветреный день. В ушах стоял громкий шум листвы. Джеймс знал, что старшие студенты разместили небольшие ящички, вроде шкатулок, по всей территории леса. В них находились самые мелкие и наименее опасные демоны, с которыми им нужно было сразиться. Подобные вместилища для демонов уже устарели, но всё ещё иногда использовались для их безопасной транспортировки. Если, конечно, слово «безопасность» может применяться к демонам.

Тётю Джеймса, Эллу, которую он никогда не видел, убил демон, который находился в такой же шкатулке. Она тогда была даже младше, чем Джеймс сейчас.

Казалось, даже деревья шепчутся о демонах.

Но с ним был Мэттью, и они оба были вооружены. Он был абсолютно уверен, что сможет справиться с мелким, почти бессильным демоном. А что касается Мэттью, то в нём Джеймс был уверен даже больше, чем в себе.

Они выжидали, потом шли дальше, затем выжидали снова. Среди деревьев раздался шорох: оказалось это просто кролик и шелест ветра.

- Может, старшие студенты просто забыли разместить для нас весь этот демонический фуршет - предположил Мэттью. – Сегодня прекрасный весенний

день. В такие дни, мысли заполнены любовью и цветением, а не демонами. Кто я такой, чтобы судить...

Мэттью резко замолчал. Он схватил Джеймса за плечо, пальцы напряжены. Джеймс посмотрел вниз на то, что Мэттью обнаружил среди вереска.

Это был Клайв Картрайт, друг Аластера. И он был мёртв.

Его глаза были открыты, взгляд направлен в никуда, в руке зажата пустая шкатулка.

Джеймс схватил Мэттью за руку, и обошёл его по кругу, осматриваясь, выжидая. Он мог рассказать, что здесь произошло: они решили напугать Джеймса, выгнав его отсюда раз и навсегда, используя демона, который был больше и опаснее, чем Джеймс ожидал.

Он не мог сказать, какой именно это был демон, но получил ответ на этот вопрос, когда этот самый демон появился из-за деревьев.

Это был демон Ветис. У него было серое, чешуйчатое тело, по форме похожее на человеческое. Помимо обычной головы, Джеймс так же увидел змееподобные головы, расположенные на его поднятых руках. Они указывали ему направление, словно ищейки на охоте.

Джеймс без раздумий превратился в тень. Это было так же легко, как нырнуть в воду, спасая кого-то. Невидимый, он подобрался к демону, подняв меч, и отрубил одну из голов. Затем повернулся к голове, торчащей из второй руки, собираясь проделать то же самое. Он собирался окликнуть Мэттью, и, оглянувшись, заметил, что всё ещё может отчетливо его видеть, несмотря на искрящуюся серость всего окружающего. Мэттью уже стоял с луком наготове. Его глаза были прищурены, во взгляде читалась решительность, которая обычно пряталась за смехом, но всегда проявлялась, когда становилось не до шуток.

Мэттью выпустил стрелу прямо в острозубое, красноглазое лицо демона. Джеймс в это же время отрубил оставшуюся голову с его второй руки. Демон пошатнулся, а затем рухнул набок, подёргиваясь.

А Джеймс помчался через лес, сквозь ветер и шелест, не боясь ничего. Следом за ним побежал и Мэттью. Он обнаружил Аластера и его оставшихся друзей, прячущимися за деревьями.

Он незаметно к ним приблизился – просто ещё одна тень среди других теней, отбрасываемых трепещущими на ветру деревьями – и приставил лезвие меча к горлу Аластера.

Никто не мог видеть меч, пока Джеймс держит его в руках. Но Аластер почувствовал острей у горла и едва не задохнулся от ужаса.

- Мы не ожидали, что может произойти что-то подобное! – закричал друг Аластера, дико озираясь вокруг. Аластеру же хватило ума не дёргаться. – Это была

идея Клайва. Он сказал, что заставит наконец тебя уехать. Он хотел только напугать тебя.

- Ну и кто тут испугался? – прошипел Джеймс. И шёпот его донёсся словно из ниоткуда. Он услышал, как все ахнули от страха. – Я не из тех, кого можно напугать. Если вы ещё раз попытаетесь проделать со мной что-то подобное, пострадавшим буду точно не я. Марш отсюда!

Парочка, которая раньше была трио, спотыкаясь, понеслась прочь. Джеймс сжал в руке меч, и позволил себе вернуться в более материальный и солнечный мир. Он обнаружил, что Мэттью стоит и смотрит на него. Во время всего происходящего, Мэттью каким-то образом точно знал, где находится Джеймс.

- Джейми, - произнёс Мэттью нерешительно, но было слышно, что он впечатлён. – Это было очень устрашающе.

- Меня зовут Джеймс, и я говорю это в последний раз, - сказал Джеймс.

- Нет, я собираюсь называть тебя Джейми ещё какое-то время, потому что ты только что продемонстрировал свою пугающую тёмную силу, так что, когда я называю тебя Джейми, мне становится лучше.

Джеймс затрясся от смеха, что заставило Мэттью улыбнуться. Они ещё до конца не осознали, что погиб ученик, и что Сумеречные охотники, которые питали страх и недоверие ко всему демоническому, обязательно обвинят кого-нибудь в его смерти. Джеймс понял это только на следующий день, когда его родителей проинформировали обо всём случившемся. И теперь он, Джеймс Эрондейл, был официально исключен.

Его держали в лазарете, пока не приехал его отец. Они не сказали, что он находится там только потому, что на дверях лазарета есть засовы.

К нему приходила Эсми. Она крепко его обняла и пообещала, что они ещё обязательно увидятся после её Вознесения.

Рагнор Фелл вошёл к нему тяжёлой поступью. Джеймс подумал на мгновение, что тот собирается спрашивать у него домашнее задание. Вместо этого, Рагнор встал у кровати Джеймса и медленно покачал своей рогатой головой.

- Я ждал, что ты попросишь у меня помощи, - сказал он Джеймсу. – Я думал, возможно, ты мог бы стать магом.

- Я всегда хотел быть только Сумеречным охотником, - растерянно сказал Джеймс.

- Вы, Сумеречные охотники, только этого всегда и хотите, - произнёс Рагнор в своей обычной презрительной манере.

Кристофер и Томас тоже приходили к нему. Кристофер принёс корзинку с фруктами, думая, что Джеймс находится в лазарете из-за плохого самочувствия. Томас извинился за него несколько раз.

Джеймс не видел Мэттью до приезда своего отца. Отец же, на этот раз, не собирался производить на декана хорошее впечатление. Его лицо было суровым, когда он сопровождал Джеймса по коридорам Академии, которые тот видел в последний раз. Отец шагал вниз по лестницам, потом через многочисленные залы, будто бросая всем вызов: пусть кто-нибудь только попробует обидеть его сына.

Джеймс знал, что никто и никогда не отважится сделать что-нибудь подобное перед его отцом. Они скорее будут шептаться у него за спиной, и шёпот этот будет преследовать его всю жизнь.

- Ты должен был всё нам рассказать, Джейми, - сказал отец. – Но Джем объяснил нам, почему ты этого не сделал.

- Как мама? – прошептал Джеймс.

- Она плакала, когда Джем рассказал ей всё, и сказала, что ты – её милый добрый мальчик, - сказал отец. – Думаю, она планирует задушить тебя в объятиях, а потом испечь тебе торт.

- Я люблю торты, - сказал Джеймс наконец.

Все эти страдания, все самоотверженные попытки её оградить, и всё это для чего? - думал Джеймс, выходя из Академии. Он оградил её от всей этой боли только на месяц или два. Он надеялся, это не значит, что он неудачник, и возможно, дядя Джем всё ещё думает, что это того стоило.

Мэттью стоял во дворе, руки в карманах. Джеймс обрадовался, когда увидел его. Наверное, он пришёл попрощаться. Джеймс почувствовал, что пребывание в Академии точно прошло не зря, раз у него появился такой друг.

- Тебя исключили? – спросил Мэттью, что показалось Джеймсу немного глупым.

- Да, - ответил он, указывая на отца и на свой чемодан.

- Я так и знал, - сказал Мэттью, энергично кивнув головой, от чего его слишком причёсанные волосы приобрели взъерошенный вид. - Поэтому мне пришлось кое-что сделать. Но сначала, я хотел убедиться, что тебя действительно исключили. Видишь ли, Джеймс, дело в том, что...

- Это случайно не Аластер Карстаирс? – спросил отец оживлённо.

Аластер явно избегал смотреть Джеймсу в глаза, приближаясь к ним. И он никак не отреагировал на улыбку отца. Он выглядел страшно заинтересованным каменными плитами, которыми был выложен двор.

- Я просто хотел сказать... извини за всё, - невнятно пробормотал он. – Удачи.

- Э-э, спасибо, - сказал Джеймс.

- Да всё в порядке, старина, - сказал Мэттью, обращаясь к Аластеру. – И кстати, я, для забавы, перенёс все твои вещи в южное крыло. Даже не знаю, почему я так сделал! Наверное, чтобы поддержать мальчишеский дух.

- Ты сделал *что*? – Аластер затравленно взглянул на Мэттью и ретировался на приличной скорости.

Мэттью повернулся к отцу Джеймса и драматично сжал его руку.

- Ах, мистер Эрондейл! – произнёс он. - Пожалуйста, возьмите меня с собой!

- Ты Мэттью, верно? – спросил отец. Он попытался высвободить руку, но Мэттью держал её с чрезвычайной решительностью.

Джеймс улыбнулся. Он бы много мог порассказать отцу о решительности Мэттью.

- Видите ли, - продолжил Мэттью, - Меня тоже исключили из Академии.

- Тебя исключили? – спросил Джеймс. – Когда? За что?

- Исключат в течение примерно четырех минут, - сказал Мэттью. – За то, что я нарушил своё слово и взорвал южное крыло Академии.

Джеймс с отцом одновременно посмотрели на южное крыло. Оно было на месте, явно готовое простоять там ещё столетие.

- Я надеялся, что до этого не дойдёт, но... Я дал Кристоферу определённые материалы, из которых он может получить взрывчатое вещество. Я отмерил их очень тщательно и убедился, что они медленно активируются. Я заставил Томаса поклясться, что он уведёт Кристофера подальше. Я оставил записку с объяснением, что это я во всём виноват. Но я не хочу объяснять это матери. Так что, пожалуйста, заберите меня в Лондонский Институт, чтобы я мог учиться там вместе с Джеймсом!

- Шарлотта оторвёт мне голову, - сказал отец.

В его голосе прозвучали сомнение и соблазн. Мэттью смотрел на него сверкающим, проказливым взглядом. А отец любил проказливость. Кроме того, ему было так же сложно устоять перед Улыбкой, как и всем остальным.

- Пожалуйста, папа, - сказал Джеймс тихим голосом.

- Мистер Эрондейл, ну пожалуйста! – добавил Мэттью. – Нельзя нас разделять. – Джеймс приготовился услышать речь об истине и красоте, но, вместо этого, Мэттью сказал с удивительной искренностью: - Мы собираемся стать *парабатами*.

Джеймс изумлённо на него посмотрел.

- Ну, тогда всё понятно, - сказал отец.

Мэттью кивнул и улыбнулся с воодушевлением.

- В таком случае, никто не должен вам препятствовать, - добавил отец.

- Никто. – Мэттью покачал головой, когда произнёс это, а потом снова кивнул. Теперь он выглядел просто ангелом. – Вот именно.

- Очень хорошо, - сказал им отец. – Забирайтесь в карету.

- Папа, только не говори, что ты опять взял без разрешения карету дяди Габриэля, - сказал Джеймс.

- У тебя сейчас трудные времена. Так что он был бы не против, что я её взял. Он всё равно дал бы мне её, если бы я попросил, поэтому я его и не спрашивал, - сказал отец.

Он помог Мэттью забраться в карету, потом разместил его багаж, надёжно перевязав. Когда он всё это проделал, то бросил удивлённый взгляд на его чемодан. Джеймс предположил, что чемодан Мэттью был значительно тяжелее, чем чемодан Джеймса.

Затем он помог забраться внутрь Джеймсу, который сел рядом с Мэттью. Отец запрыгнул следом и сел с другой стороны от Джеймса, взявшись за поводья. И они поехали.

- Когда южное крыло обрушится, обломки будут лететь во все стороны, - заметил отец. – Любой из нас может пострадать. – Его голос звучал очень радостно. – Лучше всего, остановиться где-нибудь по пути домой и встретиться с Безмолвными Братьями.

- Кажется, это слишком... - начал Мэттью, но Джеймс пихнул его локтем. Скоро Мэттью сам узнает, как отец относится к Безмолвным Братьям.

Джеймс подумал, что навряд ли Мэттью имеет право говорить «это слишком» после того, как сам же взорвал Академию.

- Я подумал, что кроме Лондонского Института, можно было бы тренироваться иногда и у меня дома, - продолжил Мэттью. – В доме Консула. Там люди точно не станут тебя оскорблять, и возможно немного привыкнут к встречам с тобой.

Джеймс подумал, что Мэттью действительно решительно настроен на то, чтобы они тренировались вместе. Видно, он уже всё обдумал. А если Джеймс будет чаще бывать в Идрисе, то возможно он сможет чаще видаться с Грейс.

- Мне нравится эта идея, - сказал Джеймс. – Я знаю, что тебе хочется почаще видаться с отцом.

Мэттью улыбнулся. Позади них раздался взрыв. Карету тряхнуло под воздействием ударной силы.

- Нам не обязательно... быть *парабатаями*, - произнёс Мэттью, его было почти не слышно из-за взрыва. – Я сказал так, чтобы твой отец забрал меня вместе с тобой. Но я могу придумать новый план. Так что ты не обязан... Я имею в виду, мы можем ими стать, только если ты... тоже захочешь.

Джеймс подумал, что он всегда хотел найти друга, похожего на себя самого, парабата, который был бы тихим и спокойным, и который понимал бы, как он

ужасно чувствует себя на вечеринках. Вместо этого, с ним рядом оказался Мэттью, душа любой компании, с кучей расчёсок для волос, и, что очень неожиданно, невероятно добрый. Мэттью с самого начала пытался с ним подружиться, и не оставлял своих попыток, хотя Джеймс этого и не понимал. И Мэттью видел Джеймса, даже когда тот становился лишь тенью.

- Да, - сказал Джеймс просто.

- Что? – произнёс Мэттью, который всегда знал, что сказать.

- Я бы хотел, - сказал Джеймс. В одной руке он сжал руку отца, а во второй руку Мэттью. Он держался за них всю дорогу домой.

Академия Сумеречных Охотников, 2008 год

- Так, Джеймс нашёл *парабатая* и всё сработало, - сказал Саймон. - Это круто.

Джеймс был сыном Тессы Грей, вспомнил Саймон, углубляясь в историю. Было странно думать об этом, но казалось, что этот потерянный мальчик и его друг стали очень близки Саймону. Ему было приятно слышать о Джеймсе. И о Тессе тоже.

И тут он почувствовал, даже без воспоминаний, что ему не всегда нравился Джейс Эрондейл. Он понравился ему только сейчас.

Катарина закатила глаза так сильно, что Саймону показалось, он сейчас услышит звук, с которым они закатываются словно маленькие сердитые шары для боулинга.

- Нет, Саймон. Джеймса вышибли из Академии, потому что он был другой, и всё, что могли сделать люди, которые его любили, это последовать за ним. Заметь, что тем, кто их выгнал, пришлось отстроить заново часть своей драгоценной Академии.

- Эм, - произнёс Саймон. – Извините, должен ли я это понимать, как послание «беги отсюда так быстро, как можешь»?

- Возможно, - сказала Катарина. – А ещё может быть, что послание состоит в том, что нужно доверять своим друзьям. Возможно, речь идёт не о том, что люди в прошлом делали что-то плохое, а о том, что сейчас мы все должны стараться сделать это лучше. Может, послание в том, что ты должен из всей этой истории вынести что-то полезное для себя. Думаешь, в любой ситуации есть лёгкое решение? Не будь ребёнком, Светоч. Ты больше не бессмертный. У тебя не так уж много времени, чтобы тратить его впустую.

Саймон понял, что разговор окончен. Он собрал свои книги и сказал:

- Спасибо за историю, мисс Лосс.

Когда он спустился по лестнице и вышел из Академии, то понял, что слишком сильно опоздал.

Он увидел, как примитивные, грязные и усталые, державшие друг друга под руки, уже плетутся обратно с тренировочной площадки. Марисоль шла впереди, под руку с Джорджем. Она выглядела так, будто кто-то пытался выдрать ей волосы.

- Ты где был, Льюис? – крикнула она. – Мог бы хоть поболеть за нас, когда мы выиграли!

Немного дальше за ними топала элита. Саймон почувствовал глубокое удовлетворение, когда заметил чрезвычайно несчастного Джона.

«Доверяй друзьям», говорила Катарина.

Саймон мог сколько угодно выступать в защиту примитивных, но важнее было то, что Джордж, Марисоль и Сунил делают тоже самое. Саймон не хотел ничего менять, вновь становясь особенным, исключительным примитивным, бывшим Светочем и героем. Они все вместе пытались стать героями. Его друзья могут побеждать и без него.

Саймон подумал, что Катарина рассказала ему эту историю ещё по одной причине, которую не озвучила.

Она услышала эту историю от своего друга Рагнора Фелла, который теперь был мёртв.

Катарина слушала истории своего друга так же, как Джеймс Эрондейл слушал истории своего отца. Возможность рассказывать истории снова и снова тем людям, которые могут их услышать и чему-то поучиться, означала, что её друг ещё не совсем для неё потерян.

Саймон подумал, что возможно, он мог бы написать Клэри так же, как написал Изабель. Возможно, ему стоит доверять Клэри в её любви к нему, несмотря на то, как сильно он может её подвести. Может быть, он уже готов услышать их с Клэри историю. Он не хотел потерять своего друга.

Саймон писал Клэри письмо, когда в комнату вошёл Джордж, вытирающий голову полотенцем. Он всё таки рискнул принять душ в ванной для примитивных.

- Привет, - сказал Саймон.

- Привет. Ну и где тебя носило во время игры? – спросил Джордж. – Я думал, ты уже никогда не вернёшься, и мне придётся закорешиться с Джоном Картрайтом. Потом я подумал, что приятель из него выйдет так себе, и решил раздобыть одну из лягушек, которые должны тут водиться, дать ей маленькие лягушачьи очки и назвать её Саймон 2.

Саймон пожал плечами, неуверенный, позволено ли ему обо всём этом рассказывать.

- Катарина задержала меня после занятия.

- Осторожнее, или о вас двоих могут поползти слухи, - сказал Джордж. – Не то чтобы я осуждаю. Она определённо... чарует своей синевой.

- Она рассказала мне долгую историю о Сумеречных охотниках, многие из которых были редкими дебилами, и о *парабатах*. А ты сам вообще, что думаешь по поводу всех этих парабатайских дел? Руна *парабата* – это ж как браслет дружбы, который уже никогда не сможешь забрать обратно.

- Думаю, это здорово, - сказал Джордж. – Я бы хотел иметь человека, который всегда меня прикроет. Кого-то, на кого можно рассчитывать во времена, когда наш страшный мир становится ещё страшнее.

- Звучит так, будто у тебя уже есть кто-то, кому ты мог бы это предложить.

- Я бы предложил тебе, Сай, - сказал Джордж с неловкой улыбкой. – Но знаю, что ты не предложил бы мне. Я знаю того, кого бы ты попросил. И это нормально. У меня всё ещё есть Лягушонок Саймон, - добавил он задумчиво. – Хотя, я не уверен, что его можно использовать в качестве Сумеречного охотника.

Саймон рассмеялся над шуткой, сглаживая неловкий момент.

- Ну как душ?

- Я могу назвать его только одним словом, - сказал Джордж. – Одним грустным, грустным словом. Он был **песчаным**. Но мне всё равно пришлось его принять. Я был жутко грязный. Наша победа была потрясающей, но мы завоевали её с большим трудом. Почему Сумеречные охотники такие упорные, Саймон? Почему?

Джордж продолжил жаловаться уже на Джона Картрайта с его неумелыми попытками играть в бейсбол, но Саймон не слушал.

Я знаю того, кого бы ты попросил.

Вспышка воспоминания, режущего словно нож, возникла в голове у Саймона. *Я люблю тебя*, сказал он Клэри. Он сказал это уверенный, что ему предстоит умереть. Он хотел, чтобы это были его последние слова перед смертью. Самые искренние слова, какие он мог произнести.

Всё это время он думал о двух своих возможных жизнях, но у него их не было. У него была одна реальная жизнь с настоящими воспоминаниями, и один лучший друг. Он помнил своё детство таким, каким оно и было на самом деле, помнил, как они держались с Клэри за руки, переходя улицу. И последний год тоже был реальным: с Джейсом, спасающим ему жизнь; и с ним самим, спасающим жизнь Изабель; и там была Клэри, Клэри, всегда Клэри.

Другая же жизнь, так называемая «нормальная жизнь» без его лучшей подруги, была просто подделкой. Она была похожа на гигантский гобелен, на котором всеми цветами радуги были вытканы события его жизни, но один цвет – самый яркий – из него просто вырвали.

Саймону нравился Джордж, ему нравились все его друзья в Академии, но он не Джеймс Эрондейл. У него уже были друзья до того, как он сюда приехал.

Друзья, ради которых стоит жить, и за которых не жалко умереть. Друзья, которые достойны присутствовать в каждом воспоминании. Все они были частью Саймона, особенно Клэри. Она была тем ярким цветом, который вырвали, самой яркой нитью, которая вилась от его первых воспоминаний и до последних. Без Клэри, в жизни Саймона чего-то не хватало. Его жизнь никогда не будет правильной, пока рядом с ним не будет Клэри.

Моя лучшая подруга, подумал Саймон. Ещё одна причина, по которой стоит жить на этом свете и стать Сумеречным охотником. Возможно, она не захочет стать его *парабатеом*. Бог свидетель, что Саймон далеко не подарок. Но если он закончит Академию, и если сумеет стать Сумеречным охотником, то все его воспоминания о лучшей подруге снова к нему вернуться.

У него была возможность присмотреться к узам, связывающим Джейса и Алека, Джеймса Эрондейла и Мэттью Фэйрчайлда. Он мог спросить, не согласится ли она провести ритуал и произнести слова, которые отражают всё то, что они чувствуют. После этого, их связь действительно стала бы нерушимой.

Во всяком случае, он мог бы спросить об этом Клэри.